

Война, начатая Наполеоном в 1812 году,
завершилась победным шествием русских войск
по Парижу весной 1814 года

Всеволод КУКУШКИН

Парижанка в Париже

Всеволод Кукушкин
Парижанка в Париже

«Спорт»

2014

ББК 47.2.1.2

Кукушкин В. В.

Парижанка в Париже / В. В. Кукушкин — «Спорт», 2014

ISBN 978-5-906131-44-7

Кокетливо назвав авантюрный роман «обычной книгой», автор объединил под одной обложкой события дня сегодняшнего и двухсотлетней давности. Его идея весьма популярна – день сегодняшний вытекает из дня вчерашнего и перетекает в день завтрашний. Какие-то из описанных событий в действительности были, многие являются плодом фантазии автора, а что-то происходит и сейчас. В любом случае, жизнь является сложным сплетением судеб и событий. Тем и она интересна, и описание ее. Книга адресована широкому кругу читателей.

ББК 47.2.1.2

ISBN 978-5-906131-44-7

© Кукушкин В. В., 2014

© Спорт, 2014

Всеволод Кукушкин

Парижанка в Париже. Авантюрный роман или «обычная книга»

Воистину необычной оказалась бы книга, в которой не нашлось бы места для вымысла.

Наполеон Бонапарт. «Максимы»

Книга издана в авторской редакции

© Кукушкин В. В., текст, 2014

© Издательство «Человек», издание, 2014

* * *

Война, вошедшая в российскую историю под названием «Отечественная война 1812 года», завершилась, согласно всем канонам международного права, в 1814 году. Уход армии Наполеона из России в конце 1812 года на самом деле означал лишь, что агрессор покинул пределы государства, против которого он начал военные действия без формального объявления войны.

В 1814 году войска России, Австрии и Пруссии вошли в столицу Франции – Париж. 4 апреля Наполеон Бонапарт написал то, что сейчас называется «проект» акта отречения, а 6 апреля в Фонтенбло за маленьким круглым столиком, скорее кофейным, рабочим, в присутствии своих полководцев и под их давлением подписал этот документ. До этого его маршалы подписали акт капитуляции.

Мирный договор был подписан позже, в 1815 году, в столице Австрии. После этого в Европе, пусть и ненадолго, установился мир.

* * *

1814 год. Париж, 22 апреля.

...Русоволосый поручик в одной тонкой белой рубашке и красных лосинах – серый парадный доломан он небрежно бросил на стул – был пьян. Не то, чтобы абсолютно, или, как порой говорят, «в стельку», но изрядно. А впрочем, для гусара в тот момент, как вдруг оказалось, что воевать «нечего и некого», это было почти естественным состоянием души и тела. В этот вечер Андрей Васильчиков, или Андрэ, как его, на французский манер, называли друзья, устроил прощальную пирушку для сослуживцев, с которыми он прошел почти всю Европу, преследуя бегущего Наполеона. Накануне он окончательно принял предложение генерал-лейтенанта Александра Чернышева о переводе в конногвардейский полк под его начало. Не ведая, что на самом деле предстоит ему скоро остаться в чужой стране одному и действовать, чаще всего, на собственный страх и риск.

А пока что это означало со всей очевидностью, что его возвращение в Россию откладывается, и служба отныне будет состоять в выполнении особых и даже деликатных, как ему намекали, поручений, о которых не принято говорить вслух и строжайше возбраняется хвастать «в своей компании» за бутылкой вина или кувшином пунша. Разве что доведется когда-нибудь, оказавшись за выслугой лет на родине, в кругу приятелей приврать о своих амурных похождениях в Париже. И добро бы у куртизанок! Но и этого не было ему обещано. А ведь

как было славно еще месяц назад мчаться со своим отрядом в атаку, не сознавая в азарте боя, что это сражение могло оказаться последним не только на войне, но и в жизни, и что пуля-дура уже летит именно тебе навстречу.

И это все в прошлом, и не представится большие случая пображничать на маневрах или, войдя в какой-нибудь уездный городишко в июньской теплой Малороссии, поволочиться за молодой вдовой или купеческой дочкой в твердой уверенности, что лет еще несколько удастся-таки ускользнуть из-под венца! Теперь придется проводить время здесь, в Париже, общаясь с любым, кто может помочь ему понять... будущее. И ведь не у цыганок выспрашивать, а самому сделаться прорицателем. И ведь предвидеть надо будущее не только и не столько личное, но и, может быть, всей Европы.

И вот эти мысли о предстоящей службе проносились во все еще хмельной кудрявой голове Андрея Васильчикова поздним вечером 22 апреля 1814 года, когда он не спеша раздевался, намереваясь за несколько часов короткой ночи проспаться и наутро следующего дня явиться к новому у своему командиру.

Крепко выпивать ему доводилось и раньше, но он умел остановиться, а потому поутру не мучился всякого рода раскаяниями, не одолевал всех просьбами рассказать, что он накануне натворил и не надо ли идти, у кого из товарищей просить прощения. Нет. Он, скорее, сам мог рассказать другим, какие фортели они выкидывали минувшей ночью, как смазливая мадемуазель, придерживая юбки, отплясывала на столе, громко стуча каблучками и ловко лавируя меж батареями бутылок и бокалов, прежде чем упасть, хохоча, на руки разгорячившихся месье офицеров. Причем делал это он с охотою, живописуя сцену в деталях и дополняя подробностями, которых на самом деле могло и не быть. Да что далеко ходить, до сих пор еще в действующей армии гуляет то ли байка, то ли быль о «казусе Кавецкого», авторство коей приписывают Васильчикову.

Дело, говорят, было так. В ночь накануне сражения под Бородино решили гусары раскинуть картишки. Собрались узким кругом, товарищи все проверенные. Распили, конечно, бутылочку. Потом другую, третью и все оставшиеся. Играли азартно, кто же знает – может, в последний раз? И вот банк вырос до суммы значительной, игроки спасовали один за другим, и остались двое. Васильчиков и Кавецкий. Князь Саша Кавецкий, красавчик, отчаянный бретер и храбрец, любимец самого императора, отказавшийся от места при штабе, только чтобы быть в гуще сражений, при всех достоинствах слабость имел только одну. Роковую. После первого бокала шампанского разум его отказывался повиноваться хозяину и отправлялся в путешествие по далям неведомым, ни на каких картах не помеченных. Реки там текли вспять, вечное царило лето, птицы изъяснялись человеческими голосами, волки не ели зайцев. И люди были все равными, и любили что княжон, что наивных пейзажников, без сословных предрассудков. И много еще чего диковинного, о чем и сам Кавецкий не догадывался по причине разъединения души и тела, живших в этот момент обособленно.

И вот, пребывая в состоянии крайней ажитации, князь готовится кинуть на стол выигрывающую комбинацию карт, приподымается, ставит тело на ноги, как вдруг остатком сознания понимает, что все товарищи его тоже стоят. А соперник Андрэ Васильчиков, привстав даже на мыски, делает страшные глаза, бешено ими вращает и косит то влево, то вправо, то на свои плечи. А за ним маячит низкорослый такой, пузатенький человек. «Что, господа?! – требует объясниться Кавецкий. Швыряет карты на стол. – И две шестерки, вот, извольте!» Тут таинственный незнакомец запросто отодвигает Васильчикова в сторону, забирает у него карты, заглядывает в них. «Шестерки, говорите? Надо полагать, это нам на эполеты, милостивый государь?» – осведомляется вкрадчиво. Кавецкий хохочет: «Именно! Вам на эполеты!». Тут гость наклоняется над столом, выкладывает карты Васильчикова и тихо так, и оттого страшно, шепчет: «Бита ваша комбинация, князь! И шестерки эполетные тоже биты. И приказ вам такой – спать немедленно! Главная партия утром нас ожидает...». Кавец-

кий, уже окончательно ничего не видя и не соображая, наливается кровью: «Моя комбинация, мои шестерки биты?! И это кем же, осмелюсь поинтересоваться?!» Мужчина разворачивается к нему спиной и, уходя, насмешливо так, по-отечески, отвечает: «Мною и бита! Кутузовым». Кавецкий, ничего не слыша и в полнейшей прострации: «Да к черту ваши извинения! К барьеру, сию же минуту! Стреляться, биться, будем драться!» В тот момент, когда товарищи крутят буяна, Кутузов оглядывается на окаменевшего Васильчикова: «Меня к барьеру? Ну, это, знаете ли, просто...», – ищет нужного слова. «Это, ваше сиятельство, просто... казус!» – находится поручик. «Вот, вот! – радостно подхватывает фельдмаршал. – Именно, казус! Казус Кавецкого. Так и скажите ему, как проспится!»

Надо ли живописать ужас, в который вверх князя ранним утром пересказ Васильчиковым событий минувшей ночи? Побитым псом неотвязно следовал он за поручиком, требуя все новых и новых подробностей. «И я его не узнал? И шестерки на фельдмаршальские эполеты? И я его на дуэль?! Что делать, Андрэ? И к государю никак не обратиться, я же сам по кругу во всем позорно виноват!» – ныл безостановочно князь. «Нет, ну что ты, к государю?! – соглашался Васильчиков. – К государю никак невозможно!» Вконец отчаявшийся Кавецкий крикнул денщику принести ящик с пистолетами. «Ну, ты, брат, совсем ополоумел! – вышел из себя Васильчиков. – Ты чего надумал? Дурное дело от самого себя пулю схлопотать! Ты в бою кровью смой позор! Глядишь, фельдмаршал прознает о твоей отваге и простит тебя, дурака, Христа ради!»

Рубился в тот день Кавецкий отчаянно. И только Васильчиков, который старался держаться к товарищу поближе – не дай Бог, учудит чего лишнего! – отчетливо слышал слова, которыми князь сопровождал удары, раздаваемые французам направо и налево. «Вот тебе шестерку! И семерку, восьмерку, девятку! На эполеты! И валеты на эполеты...» К исходу сражения, когда исчерпалась вся «колода» Кавецкого, и иссякли силы и у русских, и у француз, и ночь опустилась на всех живых и мертвых, Васильчиков отыскал князя. Тот сидел у крупа павшей своей лошади и концом сабли рисовал на земле фигуры карточных треф, пик, бубен и червей. На нем самом не было даже царапины, только лицо сделалось блее обычного. «Как думаешь, Андрей, простит меня фельдмаршал?» – только и спросил он присевшего рядом Васильчикова, продолжая вычерчивать фигуры.

Сам Васильчиков не видел, но по рассказам офицеров из штаба Кутузова, фельдмаршал пресек двусмысленные улыбки свиты, когда вручал новенькие эполеты получившему повышение Кавецкому: «И вам, господа офицеры, надо бы шестерки к эполетам присовокупить! А то ведь вон, звездами увешались – места не хватает, а в бою что-то не светите!...»

* * *

Париж, 2009 год.

«...Пришел в себя, почувствовав, что заднице становится сыро и холодно. Голова гудела. Ныла левая скула. Я сидел на еще по-весеннему сырой земле. Видимо, меня прислонили к стволу то ли платана, то ли каштана. Хотя какое значение могла иметь порода дерева после такого удара? Как следует, разглядеть лицо соломенной блондинки я не мог. Взгляд не собирался в фокус, и видел я ее как на смазанной фотографии. Здорово она меня приложила! Ну, врезала бы, и ладно, отвали, мол, парень, и шла бы дальше своей дорогой. Так нет же, сердобольная оказалась, машет в лицо какой-то тетрадкой...»

Таковыми были первые болезненные ощущения Николая Гарнета, когда он начал приходить в себя под деревом на бульваре Рошешуар. Было это где-то в районе полуночи.

* * *

«...Ну ладно, шли мы по бульвару, и будто бы случайно он положил свою ладонь на мою левую ягодицу. Вроде как хотел проверить, нет ли у меня чего в заднем кармане джинсов. Потом под деревом остановил, развернул меня к себе довольно решительно и полез целоваться. Прямо впился своими чуть влажными губами – наверное, сначала незаметно провел по ним языком – в мои сухие губы, раздвинул их кончиком языка и провел им по зубам.

Приятно, отметила про себя. Целоваться умеет. Теперь, главное, дальше ничего не испортил бы.

И ведь не пьяный был, за весь вечер и выпил пару стаканчиков красного вина. И вдруг решил проверить размер моей груди, полез под блузку и начал оттягивать бюстгальтер. Пришлось врезать! Кто же знал, что у него «стеклянная челюсть» и он не держит удара? Другое дело, что он не знал, с кем связывается, и удар у меня поставлен как надо. А теперь вот приходится его откачивать, не хватало еще объясняться с полицией!»

Так думала Анна Василькова, пытаясь привести в чувство Николая Гарнета, который переоценил свои шарм и возможности, за что теперь и расплачивался, сидя на сырой земле. Жаль, что у нее не было с собой ватки с нашатырным спиртом, чтобы всколыхнуть симпатичного парня в красивых джинсах и модной, в тонкую синюю полоску рубашке с белым воротничком. Сверху на нем был тонкий кашемировый пуловер с разноцветными ромбиками и вырезом в форме латинской «V». И теперь девушке надо было думать, куда его отвезти, не оставлять же на улице своего незадачливого соотечественника.

* * *

1813 год. Пруссия, Франкфурт-на-Майне, 21 декабря.

...В конце 1813 года во Франкфурте-на-Майне собралось такое великое множество всяких принцев, князей, мелких монархов, военных, что, казалось, они намереваются праздновать освобождение Германии от Наполеона. Присутствие русских войск в этой ситуации было заметно, но никто толком не знал, что именно им предстоит делать. Император Александр находился со своей свитой в швейцарском Базеле и в «торжествах» участия не принимал. Россию представлял Карл Нессельроде, бывший в самых что ни на есть дружеских отношениях с австрийцем Меттернихом. Во Франкфурте представители коалиции обнаружили французского дипломата Сент-Эньяна и буквально всучили ему перечень мирных предложений для передачи Наполеону. Император молчал и те, кто его знали, прекрасно понимали, что никакого мирного соглашения достигнуто не будет. В это верили разве что участники переговоров, да и то неискренне.

Из Парижа доносили, что все новые и новые военные формирования французов направляются к Рейну. Наполеон выступил с тронной речью перед сенаторами 19 декабря, дав понять, что мира он не хочет. Военные командиры мыслили более реально – армия не может долго пребывать без движения, иначе она теряет свои боевые качества. А потому вот-вот будет дана команда выступить. Только вот кто сделает первый шаг?

Прошел месяц после отъезда гонца, и штабисты начали готовить приказы для различных частей, которые должны были двигаться во Францию.

Русский отряд под командой генерала Эммануэля должен был форсировать Рейн в первых числах января в составе корпуса генерала графа Сен-При. Задача была блокировать Майнц – славы мало, да и дел тоже. Крепость не требовалось даже осаждать, достаточно было ее просто блокировать. С некоторой завистью казаки смотрели на выступление корпуса генерала Олсуфьева, который направлялся непосредственно во Францию, чтобы быть

в центре событий. Блокада Майнца длилась до конца января, французы не решались даже на вылазки. Большие русских беспокоила необычно суровая для этих мест зима, по Рейну шло много льда.

* * *

Париж, 2009 год.

А как мило все начиналось! Симпатичная компания собралась в квартире-мастерской на рю де Труа фрэрс у какого-то русского художника, давно осевшего на Монмартре вместе с итальянской подружкой – портретисткой. К нему приехал по-модному лохматый московский коллега, получивший приглашение участвовать в местной выставке-продаже в зале при церкви Святого Петра, что неподалеку от знаменитой площади Тэртр. Все разворачивалось, как обычно. Сначала хозяева пригласили «своих», потом «свои» пригласили еще «своих». Собрался почти в полном составе «клуб франко-русской культуры и искусства». А через час все перезнакомились, перемешались, благо хватало и вина, и пива, и даже водки, доставленной из Москвы.

На картинах, которые предстояло утром развешивать в галерее, в нижних правых углах подрамников были наклеены ценники, без особой надежды на финансовый успех. Так, на всякий случай. Правда, в некоторые картины уже были воткнуты визитки – тем самым потенциальный покупатель «из своих», заходивших днем, сообщал, что готов к разумному торгу о покупке. Наконец, за длинным столом – им была огромная, светлая под сосну, пластиковая столешница из «Икеи», положенная на специальные козлы, сформировалась пестрая группа, которая уже не перемещалась по мастерской, а перешла к беседам обо всем на свете. На одном конце стола говорили об искусстве, посередине – о невыносимой легкости бытия, что в России, что во Франции, а на другом конце перемывали косточки общим знакомым. Касаясь, впрочем, и незнакомцев.

Обычная московская тусовка, только и дела-то, что за окном – Париж.

* * *

– А вот и мой друг Николя, – красивым бархатным, почти торжественным голосом представил хозяин дома гостям, сидящим за столом, черноволосого молодого человека, пришедшего с опозданием, но зато с тремя бутылками красного вина, которое не часто встретишь даже в парижских магазинах. «Ла Таше Монополь» 2007, 2002 и 1999 годов урожая. Такой выбор компенсировал любые, включая чистосердечные, слова оправданий и извинений. – Прекрасно! Отменный вкус! – одобрил хозяин, выставляя бутылки на стол. – Bravo, Николя! Мы зовем его «Коля, гутен абенд» – добавил он, обращаясь к компании.

– Это и за что же так? – живо поинтересовалась Аня Василькова, которая уже чувствовала себя легко и свободно в новой компании после почти полутора часов общения, хотя и выпила всего один стаканчик белого «Шабли». Она оказалась ближе к тому концу стола, куда на свободное место на скамье сел Николай.

– Потрясающая история! – хозяин дома ее знал, она доставляла ему удовольствие, и он хотел услышать ее вновь. – Коля рассказывает об этом лучше всех, хотя кое-кто иногда и пытается ее пересказать.

Николя улыбнулся, и его глаза повеселели. Он не стал отнекиваться, взял пластиковый стаканчик с красным вином и начал рассказ.

– Случилось это прошлым летом, когда я поехал отдыхать в Баварию, на озеро Кенигсзее. Буквально, «королевское озеро». Вода там изумительно прозрачная и чертовски холодная. Мой номер в гостинице был на пятом этаже в конце длинного коридора, но рядом с ним нахо-

дился служебный лифт, который спускался к боковому входу в здание. Служебному, проще говоря. И вот я завел себе привычку по вечерам, облачившись в фирменный халат с вышитым вензелем отеля на груди, спускаться на этом лифте, сбегать по крутой тропинке к воде и купаться в озере. Вода, ну, просто обжигает. Плыву бешеными саженками. Вокруг горы высокие. В вышине звезды небесные. Хо-ло-дище! И я, как Василий Иванович Чапаев, сквозь зубы: «Врешь, Кенигсзее! Не возьмешь!». А эхо там разносится невероятное. Из воды выпрыгну, в халат, на лифте домой, то есть, буквально в номер, горячую воду на всю и под душ. Отогреюсь и в люлю, в постель то есть. Спал как камень, ни одного сна не видел, поверите?!

И вот однажды, после такого променада с купанием, поднимаюсь к себе и удивляюсь, что дверь в номер приоткрыта. Захожу, вижу, какая-то женщина в их национальном костюме – белая, плотной ткани кофточка и зеленый сарафан под грудь – что-то делает возле столика. Думаю, наверное, горничная. Я ей говорю, как у них принято: «Гутен абенд!», то есть «Добрый вечер!» и спокойно шествую в ванную. А там уже ванна наполнена, только что-то слишком много каких-то пузырьков, наверное, она какую-то пену добавила. Вот это сервис, думаю. Заметили, как постоялец вечером в озере купается, орет от холода, и распорядились горячую ванну ему готовить! Вот уважили! Погрузился, пожегал, обмылся, вытерся, надел халат и вышел в комнату. А там уже эта самая дама расположилась в разобранной постели. В моей, заметьте, люле! И возлежит, ручки поверх одеяла сложила. И в потолок уставилась. А рядом с ней стоит какой-то старикан в пижаме. С вензелем нашего отеля на груди. Вопросительно смотрит на меня. Я понимаю – происходит что-то не то, но виду не подаю, произношу как можно доброжелательнее: «Гутен абенд!» Добрый вечер, стало быть. Тут они вместе мне отвечают, и так синхронно, будто репетировали, пока я в ванной нежился: «Абенд? Найн! Гуте нахт! Унд видерзеен!». То есть, буквально: «Вечер? Нет! Доброй ночи! И до завтра!». Не теряя лица, спиной выхожу в коридор, чтобы посмотреть на дверь. Ну, да – номер 417, а мой – 517, этажом выше...

Все расхохотались, представив себе ситуацию, обычно случающуюся в комедиях положений.

– Простите, Николая, а если бы не муж, что было бы дальше? – спросил лохматый художник из Москвы.

– Ах, любезный, вам ли не знать, что история не имеет сослагательного наклонения? – ответил Николай с самым серьезным видом.

– А если бы на вашем месте оказалась я, а вы на месте мнимой «горничной»? – кокетливо спросила через некоторое время Аня, когда они с Николаем оказались рядом за столом.

– Я бы сделал все возможное, чтобы удержать вас, и утром мы приняли бы душ вместе, а потом, может быть, ночью искупались в озере! – после небольшой паузы, спокойно ответил Николай.

– Вы смелый человек – сразу принимать такое решение!

– У меня есть некоторый жизненный опыт, и я знаю, чего хочу, – при этом Николай посмотрел на нее прямо, с каким-то даже вызовом мужчины-охотника во взгляде.

* * *

И вот теперь этот красивый парень со всем его «некоторым жизненным опытом» сидит на холодной, по-весеннему, земле под деревом и пытается прийти в себя. А его новая знакомая, которую он рассчитывал покорить с первого взгляда, прикидывает, как поймать такси, за полсотни евро отвезти его домой и потом самой добраться в Ситэ Университэ. Остаться у него в ее планы не входило, а от такого нокдауна он должен скоро восстановиться. Разве что утром примет таблетку от головной боли. Так что сиделка ему не понадобится. Просто ее удар

был скорее неожиданным, чем сильным, так, тычок, но пришлось Николаю в самый краешек подбородка. Никакой серьезной травмы он не получил, но внезапно вырубился.

Медленно подкатил синий полицейский автомобиль, притормозил напротив странной пары. Опустилось стекло, и добродушный ажан спросил вежливо:

– Мадам? Месье? Все в порядке?

– Уи, уи, месье! – радостно затараторила Аня. – Были в гостях, веселились, Николя немного перебрал, а у него такое слабое сердце!

Тут и Николя включился в игру, рукой указав на грудь, мол, сердечко пошаливает.

Полицейский пробормотал в ответ, что пить надо бы меньше, если сердце не позволяет. Стекло поползло вверх, и он добавил напоследок: «Бон нюи, мадам! Бон нюи, месье!»

Буквально: «Доброй вам ночи!».

Выдержав, пока автомобиль отъедет на полсотни метров, Николай с Аней расхохотались прощальной фразе доброго полицейского.

– И куда тебя отвезти? – спросила Анна, решив, что он уже в достаточной мере пришел в себя, может понимать вопросы и отвечать.

– Госпиталь Ротшильда! – пробормотал Николай, покачав при этом чуть-чуть головой, проверяя, был ли это нокдаун или все-таки легкий нокаут. Вроде бы ориентации не потерял.

– Ого! А не горячишься? Вроде не так сильно ткнула! – испугалась Аня. Она и сама не ожидала такого эффекта, а вот на тебе, запросился в госпиталь...

– Это ты погорячилась! Мне-то, как раз, холодновато теперь. Так, легкий нокдаун, да и то от неожиданности. Ничего страшного. А госпиталь Ротшильда – потому, что я живу там, рядом с госпиталем, на улице Дагорно, напротив сицилийской пиццерии.

Это было уже легче. Район спокойный, чистый, криминальной славой не пользуется. Евро за тридцать вполне можно будет доехать. Отпускать его одного Ане расхотелось, лучше все-таки перестраховаться.

* * *

1814 год, Франция, 10 февраля.

...Наполеон прибыл к своей армии ближе к концу января и блестяще провел несколько сражений. Австрийские войска начали его просто бояться. Пытался было противостоять императору, вновь обретшему боевой кураж, Шварценберг, но жестокий приступ подагры свалил австрийского князя и он уже был готов скомандовать общее отступление. Воякой он был ни чета наполеоновским маршалам.

Потрясением для многих русских стало сообщение, что 10 февраля у Шампобера корпус генерала Олсуфьева был наголову разбит Наполеоном. Полторы тысячи убитых, три тысячи вместе с самим Олсуфьевым попали в плен. Это заставило участников коалиции относиться к делу гораздо серьезнее. Французские войска, прежде всего старая гвардия, представляли собой большую силу и требовали к себе внимания и осторожности. Шварценберг послал в лагерь Наполеона адъютанта с просьбой о перемирии, но император... отложил ответ.

Наполеон заговорил о том, что за две недели отбросит неприятеля к Рейну, и теперь он не просто ждал, он жаждал сражения с основными русскими силами.

Все-таки он был блестящим воякой от Бога...

* * *

Париж, 2009 год.

На следующий день после фиаско на бульваре Николай довольно долго думал о своей новой знакомой, с которой у него случился такой конфуз. Ему захотелось найти девушку и объ-

яснить ей, что он не какой-то уличный пристава, что это просто так сложились обстоятельства. Ну, звезды так выстроились. Но на самом деле подсознательно он пользовался «открытием», которое сделали ловеласы еще прошлых веков: женщинам важно внимание мужчин в любых его проявлениях. Случается так, что иной мужчина при этом идет на риск вдруг получить по физиономии. Бывает. Но при этом исходит он из смелого, хотя и авантюрного предположения, что, если не уделит должного внимания, не обозначит хотя бы «попытку», то тем самым обидит даму.

В общем, Николай Гарнет в течение целого дня занимался поисками Анечки, как он теперь ее называл в своих размышлениях. Ему пришлось перезваниваться с половиной «русского Парижа», пока, наконец, к вечеру нашелся след студентки.

Оказывается, Аня Василькова изучала политологию в Сорбонне. С одной стороны, дело новое, а с другой – еще Ломоносов, создавая первый российский университет в середине восемнадцатого века, ввел кафедру политики. В общем, человечество во все времена занималось политикой, так что нет ничего удивительного в том, что мастера красноречия придумали красивое название для своего занятия. В старое время это была наука, изучавшая и политику, и дипломатику, и нравственность. Нынешние студенты изучают историю, и теорию политики, и все производные от этих направлений, начиная от политических конфликтов и кончая геополитикой, вторгаясь и в экологию, и в информатику, словом, во все, о чем можно говорить долго и с умным выражением лица. При этом знание иностранного языка является обязательным, а специально еще изучают логику, правоведение и даже такой предмет, который сразу и не понять: теория и практика аргументации. Специализацией Анны были политический анализ и прогнозирование, мировая политика и международные отношения.

* * *

1814 год. Швейцария. Базель, 2 января.

...Основные силы русской армии только 1 января 1814 года в районе Базеля ступили на территорию Франции. Еще после ухода Наполеона из России в декабре 1812 года мнения об этом походе в русском генералитете разделились. Одни считали, что надо гнать Наполеона дальше и воевать до окончательной победы. Но тогда фельдмаршал князь Кутузов этому всячески воспротивился. Он считал, что негоже русским солдатам воевать в интересах англичан, больших мастаков загребать жар чужими руками.

Теперь, когда светлейший князь умер, царь поддался уговорам со всех сторон и двинулся на Запад, намереваясь покончить с любыми попытками Наполеона относительно новых походов.

Поначалу движение русской экспедиционной армии было внешне даже неспешным, будто нерешительным. Погода в субботнее утро выступления выдалась столь скверная, что кто-то, правда, не говоря вслух, счел это нехорошим предзнаменованием. Сильный порывистый дождь временами прекращался, и тогда на землю падали крупные хлопья тяжелого снега. Было очень холодно, что обычно в эту пору в России, но удивительно для центра Европы.

– Господи, как бы на биваках мы до смерти не померзли, как французы в двенадцатом году! – поделился своими опасениями один из русских гренадер с соседом, шедшим рядом.

– Не должны бы, все-таки мы к морозам привычнее! Но давай друг дружки держаться, вместе, авось, до тепла продержимся. Эх, погодить бы с выступлением неделю-другую!

Но погода, как известно, на войне планов не отменяет.

* * *

Париж, 2009 год.

На третий день Николай Гарнет сумел перехватить Анну в коридоре университета, удивив своим появлением, и, используя запасы красноречия, доставшегося ему от образованных предков, убедил в настоятельной необходимости провести пару вечерних часов вместе, выпить по чашечке кофе или перекусить где-нибудь в кафе в том же Латинском квартале.

– И с чего это ты ко мне полез тогда на бульваре? – спокойно, едва заметно улыбаясь уголками рта, спросила Анна, когда они оба в теплых куртках расположились на тротуаре / парижская классика/ за круглым мраморным столиком в «Кафе де Лютес».

– Так ведь весна, Париж, – как-то смущенно пробормотал Николя. – Это была чистая импровизация, искренняя, а потому и наивная.

– Логично. За оправдание принять можно, – улыбаясь, произнесла Аня, но с натяжкой.

– Понимаешь, ты девушка красивая, эффектная, я и подумал, что, если не уделю должного внимания, то ты можешь обидеться, – поняв, что ситуация не безнадежна, попытался вернуть себе какие-то позиции Николай.

На самом деле он просто озвучил одну простую истину, которая существовала со времен Джакомо Казановы, а может быть, и его предшественников: женщины иногда прощают тех, кто злоупотребляет возможностью, но никогда тех, кто ею не воспользовался.

– И вовсе не обижаюсь я, не подумай! Это, скорее, ты можешь обижаться! – Аня невольно потрогала свой подбородок. – И что мы теперь будем делать?

– Выпьем кофе, потом, может быть, пойдем погуляем? – предложил Николя. – Если, конечно, ты не занята. Я все-таки должен доказать, что со мной не так уж и опасно, как ты могла подумать. И рука у тебя довольно тяжелая, а на первый взгляд такая изящная. Знаешь, я вдруг вспомнил надпись на салфетке в московской кофейне: «Давай прогуляемся – узнаем друг друга поближе».

– Что, опять нарываешься? – то ли спросила, то ли констатировала Анна.

– Извини, я ничего такого не имел в виду. И на второй взгляд рука у тебя изящная! – торопливо прояснил ситуацию Николай. – Никакой задней мысли, никаких опрометчивых движений. Гарантирую.

Аня посмотрела на него, поверила в искренность смущения и согласилась.

– Ладно, давай, только не допоздна, мне завтра надо рано вставать и быть в форме.

– В субботу? – удивился Николай.

– У меня завтра небольшой турнир, и я хочу его выиграть, чтобы иметь задел на некоторое время.

– А ты чем занимаешься? Шахматами?

– Фехтованием на саблях, вхожу в команду университета и имею спортивную стипендию. Учиться мне еще полтора года, надо быть в форме. А ты чем в Париже занимаешься?

Они сидели так, чтобы смотреть друг на друга, а не разглядывать прохожих.

– Вообще-то я физик, – без какого-либо кокетства начал Николай. – Закончил физфак МГУ, сначала занимался твердым телом, а потом увлекся криогенной техникой. Что-то на рубеже науки и инженерии. Здесь работаю в лаборатории при Сорбонне. Мы участвуем в проекте в швейцарском ЦЕРНе, объединенном центре ядерных исследований. Обеспечиваем охлаждение некоторых узлов коллайдера.

– Это что-то очень модное, о чем говорят и пишут, не понимая, что это на самом деле?

– Ну, модно не в смысле дома Диора или Лагерфельда. Понимаешь, при температурах, близких к абсолютному нулю, возникает эффект сверхпроводимости, но это достаточно широко известно! – пояснил Николай. Иногда физиков подводит чрезмерная увлеченность своей наукой, и тогда в глазах девушек они становятся «ботаниками». – Но есть еще и побочный эффект, который меня заинтересовал, когда практически исчезает трение.

– Так ты – доктор? – удивилась Аня.

– В общем, да, – подтвердил догадку девушки Николая. – Но диссертация была по другой теме. Я придумал несколько новинок для получения сжиженного газа.

– Газпром до тебя дотянулся? – Аня обладала хорошей реакцией, а потому поставила вопрос четко, даже не стремясь показать, на сколько ходов вперед она может просчитать ситуацию.

– Да. Они моим патентом пользуются довольно успешно, и я этому весьма рад, – Николай не мог не похвастаться, что, в общем, типично для молодого человека, который хочет произвести впечатление на девушку, способную оценить такую информацию. – Так что помаленьку на мой счет в банке кое-что капает абсолютно законно и легально. Ни недружественное поглощение, ни наезды мне не угрожают. Наезжать надо на Газпром, а он рейдерам не по зубам. А я занялся новыми разработками. Меня интересует зона около абсолютного нуля. Там есть несколько интересных моментов, и можно кое-что новое открыть. Ну и есть еще небольшой газовый заказ.

– Этим как раз ты и занимаешься сейчас? – поинтересовалась Аня, которой стало ясно, что парень не просто какой-то болтун.

– Это достаточно сложно объяснить. В общем, копаюсь в такой небольшой области физики, которая теперь называется криогеника.

– Физику помню, что такое криогенная техника – такие холодильники специальные, слышала. Но о науке криогенике – впервые.

– Как бы тебе проще сказать? В зависимости от того, насколько низкие температуры, меняются свойства различных веществ, вот этим я и занимаюсь.

Аня оказалась замечательной собеседницей, она умела главное – слушать. И лишь подбрасывала новые вопросы, чтобы партнер не выдыхался и сам не терял интереса к тому, о чем говорит. И, тем более, к своей визави. Это действовало безотказно, и многие были ее поклонниками, полагая, что она очень тонкая и все понимающая слушательница.

– А к газу это имеет какое-то отношение?

– Природный газ конденсируется при температуре 120 градусов по Кельвину, а мы залезли дальше – до 0,3 Кельвина, в сверхнизкие температуры. Вот там-то и происходит самое интересное!

– В школе на физике что-то говорили о сверхпроводимости, сверхтекучести и еще о каких-то «сверх»...

– У тебя хорошая память, – с некоторым удовлетворением, не понимая еще, хорошо это или плохо, по крайней мере, для него лично, отметил Николай. – Правда, полагаю, что это такое на самом деле, ты все-таки не знаешь.

– Какой проницательный! А Нобелевские премии за это уже дали?

– Дали.

– Второй раз не дадут! – с некоторым сочувствием заключила Анна.

– Это верно, не дадут. Но! Я тут увлекся работой Померанчука, которую он сделал вместе с Ландау в середине тридцатых годов, и у меня появилось несколько идей. Они занимались теорией электропроводности металлов при низких температурах.

– Так это и есть сверхпроводимость?

– То, что они сделали, уже известно, но я увидел, что они прошли мимо одного направления, и занялся этой темой! – Николай явно увлекся, забыв, что разговаривает не с коллегой, а с девушкой. Студенткой. Спортсменкой. И, наконец, просто красивой девушкой.

– А почему сам Померанчук этого не увидел?

– Исаак Яковлевич был очень занятым человеком. Можешь себе представить, какая у него была загрузка, если он руководил группой, точно рассчитывавшей энергетический баланс водородной бомбы!

– О, господи! Человек с таким именем-отчеством, с такой фамилией и такими делами занимался?! – вполне естественно заметила Анна.

– Две Сталинских премии почти подряд за просто так не давали, – парировал Николя.

– Надеюсь, ты в бомбовые дела не залез?

– Можешь быть спокойна, эту тему я не трогаю.

Хотя с чего бы это ей быть беспокойной по поводу тем, которыми занимается ее новый знакомый?

Наступила небольшая пауза, и они решили выпить еще по чашке капучино. Все-таки два эспresso подряд ни к чему.

– А как физики делают открытия? – то ли в шутку, то ли подначивая, спросила Аня.

Николай на минуту задумался от такого наивного, но безумно сложного вопроса. К счастью, он быстро вспомнил чье-то мудрое высказывание: «Миллионы видели падающее яблоко, но только Ньютон спросил себя, почему оно падает?»

– В общем, с такого подхода начинаются почти все большие открытия, надо видеть мир чуть иначе, чем все вокруг, – разъяснял он Анне природу иных научных открытий. – Иногда говорят так: все знают – этого, мол, не может быть, но находится кто-то один, кто этого не знает, а потому берется исследовать явление, и, оказывается, очень даже может быть. Знаешь такого великого изобретателя Эдисона? Вот он как-то сказал: «Все воруют в коммерции и промышленности. Я и сам многое украл. Но я могу воровать с умом». Правда, никто не мог уличить его в воровстве, просто он с умом брал некоторые общеизвестные идеи и реализовывал их по-своему.

– Так все-таки, ты хочешь Нобеля получить? – этот вопрос девушка задала с улыбкой, но по-доброму, без подковырки, хотя, кто их знает, этих физиков, что они открывают и что может получиться в итоге.

– За одно гениальное открытие, которым сейчас пользуется все человечество, все-таки Нобелевскую премию не дали. Парни не сумели все правильно оформить и запатентовать, – по улыбке, которая сделала его лицо обаятельным, Аня приготовилась к розыгрышу.

– И что же это за открытие?

– Даже не открытие, а изобретение. Тот, кто первым поставил чемодан на колесики, ошастливил мир, – с небольшой хитринкой во взгляде объявил Николай. – Каждый раз, когда куда-то еду, вспоминаю добрым словом этих ребят.

– Согласна. А если серьезно – Нобелевскую премию можно получить за то, чем ты занимаешься? – добавляла тему Аня.

– Это сложно, – уже без улыбки ответил Николай, который следил за новинками в науке и имел кое-какое представление о работе экспертов нобелевского комитета. – Но, если дадут, то не откажусь.

– И правильно, не отказывайся, – утвердила такой подход к получению Нобелевской премии практичная русская парижанка.

– От Нобеля? – Николай не мог так просто закончить тему, которая его не то, что не волновала, но почему бы и не пометать. – Да у меня и фрака для церемонии нет. Правда, отец рассказывал, что в Лондоне, когда брал фрак напрокат в фирме «Мосброс», ему дали целый чемодан вещей к такому выходу – специальные брюки, пояс-кушак, лаковые туфли, сорочка, галстук-бабочка, запонки и, в дополнение ко всему, черные шелковые носки. Он их, кстати, потом выкупил, когда пришел сдавать костюм.

– Но вроде бы Нобеля не в Лондоне вручают? – припомнила Аня.

– Отец тогда по работе был в Англии и получил приглашение на прием к королеве, а там протокол строгий – раз в приглашении написано «белый галстук», значит, фрак обязателен. Отец мой в МИДе работает.

Николай рассказал в этот вечер о себе довольно много. Но одной темы, которой он занимался «попутно», все-таки не упомянул. Водородный ракетный двигатель. В принципе теоретик может заниматься чем угодно, но в зависимости от того, чем он занимается, им могут интересоваться разные люди в различной степени. Свои «прикидки» Гарнет делал обычно в небольших блокнотиках, которые раскладывают по номерам в гостиницах класса выше «трех звезд». Несведущему человеку трудно было что-то понять из формул, графиков и диаграмм, но попади один из таких блокнотиков в руки профильного специалиста, тот бы уж наверняка почерпнул для себя немало интересного...

* * *

1814 год. Франция. Нидер-маркштадт, 6 января.

...Русские войска, с присоединившимися к ним баденской и прусской гвардиями, перешли по мосту через Рейн, имея конечной целью своего похода Париж. Но понять сразу этот замысел было невозможно, да и уверенно сказать, что именно этот план войска начнут исполнять, никто не мог. По принятой практике армии, входившие в страну, должны где-то сразиться с местной армией, чтобы победитель продиктовал свою волю. Но, стремясь в столицу, командование русской армии неожиданно для французских маршалов отказалось от участия в атаках на Гамбург, куда Наполеон послал одного из своих лучших командиров – маршала Даву. Это оказалось очень серьезным просчетом опытного военачальника, выигравшего множество сражений. Но император считал, что он и сам сможет справиться с неприятелем и защитить Францию от вторжения.

Императорская походная штаб-квартира Александра Первого осталась в Базеле. Никакого сопротивления русская армия поначалу не встретила, разве что дорога от Базеля до ближайшего Нидер-маркштадта оказалась ужасной. Неужели Наполеон всерьез полагал, что русские могут увязнуть на плохих, разбитых армиями и непогодой дорогах во Франции?

– Господа, кто-нибудь видел сегодня зайца или хотя бы заячий след? – интересовался корнет Михаил Ивановский у нескольких офицеров-драгун, пытавшихся кое-как согреться за столом в слабо освещенной немецкой харчевне.

– Что, зайчатины захотелось? – поинтересовался кто-то в ответ.

– Я слышал, что, когда Наполеон ступил в Россию, из-под копыт его коня вдруг выскочил заяц, от неожиданности конь дернул, и император свалился наземь.

– Ну, так и что с того?

– А то, что люди из Бонапартовой свиты сочли это дурным знаком, а он лишь посмеялся над ними. А ведь зря не послушал, вон, как все обернулось-то!

– Не переживай, Мишенька, сегодня все зайцы по норкам спрятались, в такую погоду никто носа наружу не покажет. Так что, дай нам Господь, разобьем супостата. Если не померзнем только.

Продвижение армии было скорым, снегопад чередовался с дождем, а тот переходил в заряд снежной крупы. Правда, через несколько дней серая облачность начала разрываться, снегопады прекратились, но вот холод оставался.

* * *

Париж, 2009 год.

– Аня, у меня так получается, что через неделю нужно быть на пару-тройку дней в Москве, – начал телефонный разговор Николай после обычного приветствия. – Тебе в столицу не нужно? Могли бы вместе полететь.

– Спасибо, конечно, за приглашение, – с некоторым удовольствием, прежде всего от самого звонка, ответила Анна. – Но у меня скоро экзамен, а на следующей неделе надо сдать курсовую. Так что пока из Парижа ни ногой. Буду прикована к компьютеру и книгам.

Про себя она с удовлетворением сказала: «Так, начинается! Кажется, он на меня глаз положил! Что из этого выйдет, неизвестно, но все равно приятно».

– А сегодня-завтра как складывается? – не унимался физик.

– Сегодня уже не получится, мне на встречу с тобой настроиться надо, ты все-таки доктор, так сказать, мэтр. Давай завтра в шесть?

– Где? – тут же уточнил Николай.

– Встанешь на ступеньки Оперы Гарнье, лицом к входу, повернешь голову налево, увидишь переход через улицу и тут же рядом кафе с театральным названием – «Антракт». Вот там. Идет?

– Не просто идет, а прямо-таки бежит...

«Что-то быстро он завелся, – подумала с некоторым удовольствием Аня, что было естественно. Любой девушке приятно сознавать, что она нравится. – А мне надо все-таки голову помыть, свой гардероб проинспектировать. Так что завтра – в самый раз будет сходить на свидание».

На том они и попрощались.

«Приятная девушка, спокойная, без гонора, не стала мяться, как некоторые вертихвостки. Ей надо подумать, у нее все распланировано: учеба, спорт, вечеринки, приемы, вернисажи, – думал Николай, «на автомате» двигаясь к дому. – Даже, если ничего не получится, все равно с ней будет приятно провести пару часов. В конце концов, отец за мамой два месяца интенсивно ухаживал, пока она ему позволила поцеловать себя в щечку. По крайней мере, мне они так рассказывали. Конечно, времена теперь иные, но не все же девушки после первого свидания отдаются! Надо идти на приступ этой крепости не спеша. Она того стоит...»

При этом Николай машинально ощупал свой подбородок.

Конечно, любое свидание, – это обязательно импровизация. Но хорошо продуманная и подготовленная, с пониманием, к чему надо будет прийти. А что на самом деле получится, это уже второй вопрос.

* * *

Франция, Труа-Ривьер, 1814 год, 16 февраля.

... Через несколько дней похода поручика Сумского гусарского полка Андрея Васильчикова отыскал порученец генерал-майора Александра Ивановича Чернышева, и они вместе сразу же отправились к нему в ставку.

Сначала Чернышев, пылуший энергией, поинтересовался, не родственником ли полковнику Дмитрию Васильчикову, командиру Ахтырского гусарского полка, приходится Андрей?

– Дальний родственник, слишком дальний, скорее – однофамилец.

Такой ответ вполне удовлетворил Чернышева.

– А князь Васильчиков?

– Также одна только фамилия, но отношусь к ним обоим с огромным почтением!

Потом генерал заговорил на французском языке, словно проверяя, насколько свободно владеет им молодой офицер, бывший, впрочем, ненамного моложе знаменитого командира.

– На все судьба и божья воля, – говорил расслабившийся, а потому и ушедший от официального тона генерал. – Я был юнцом пятнадцати лет, когда на балу у князя Куракина, того, который потом послом был при Наполеоне, представился мне случай вступить в беседу с царем. Александру я чем-то понравился и по его протекции поступил корнетом в кавалергардский полк.

Чернышеву доставляли удовольствие такие воспоминания, и он не скрывал этого.

– Потом был адъютантом генерала Уварова, участвовал в военных действиях. Все выпадало, и удачи, и горькие дни. Полагаю, у вас тоже может быть свой счастливый случай.

А завершилось все чашкой чая и намеком, что поручик может быть вызван под его команду в кавалерию. Пока что предлагалось вернуться в часть, но помнить, что по мере приближения к Парижу нужда в нем очень скоро появится. В общем, по окончании аудиенции у Васильчикова осталось больше вопросов, чем ответов.

Андрей Васильчиков был примечен людьми Чернышева тогда еще, когда русские части стояли в Пруссии. Он лучше других офицеров готовился сам и готовил свой эскадрон к предстоящему походу. Особо отметил порученец генерала, что поручик собирает сведения о том, куда предстоит двигаться войску, умеет просчитывать возможные направления, подбирает карты, словно штабист. Да и местных не чурается, охотно ведет беседы с людьми любого сословия.

Под началом Чернышева в этом походе были казаки, которые не вошли в войско атамана Платова. Можно было только гадать, зачем ему мог понадобиться поручик гусарского полка, вроде бы больших потерь у Чернышева не было. Но, как говорят, «пути господни неисповедимы», а потому Андрей Васильчиков вернулся к своим товарищам. Пока.

* * *

Париж, 2009 год

– И какие дела вызвали тебя в Москву столь срочно? – без всякой особенной мысли услышать что-то неожиданное поинтересовалась Анна. Одета она была в черную блузку с белым раскрытым воротом, под которым был виден шелковый платок, и простые темно-синие джинсы, «классику», без дырок или потертостей. Костюм получился без изысков, но элегантный, стильный, заметный на фоне модных «оборванцев».

Они заказали по чашке эспresso и по штруделю. Аня остановилась на вишневом, Николай попросил яблочный.

– Мне нужно заказать металл для новой установки, наконец-то я приблизился к решению одной проблемы, и это может стать небольшим прорывом, – с некоторым удовольствием начал разговор Николай.

– Это связано с какими-то идеями Померанчука? – показав, что у нее отличная память, продолжила девушка.

– Нет, на этот раз более земная ситуация – вдруг Николаю захотелось выговориться, а может, и прояснить для себя, насколько образована и способна поймать идею его новая подруга. – Ты знаешь, что есть машины, которые используют газ вместо бензина. Это уже не новость. Получается экологически более чистая ситуация. Но теперь работают над водородным двигателем, это еще лучше и проще, не говоря уже об экономике.

– Слышала, – кивнула Аня. – Природа тебя немного опередила – водород в сжиженном виде уже существует. Правда, в соединении с кислородом.

Николай рассмеялся, он был доволен, что девушка-гуманитарий быстро сообразила и неплохо пошутила.

– Все правильно, только вот вода не горит, приходится разъединять водород с кислородом. Водородный двигатель сделали, но очень громоздкий и тяжелый. Теперь идут работы по созданию водородно-газового двигателя. Это будет выгоднее и практичнее, и может получить широкое применение.

– Это может стать мировым проектом, но ты-то как в этом деле участвуешь?

Она спрашивала уже по существу.

– Понимаешь, нужен сжиженный газ, что довольно просто, нужен сжиженный водород, и в двигатель должна попасть смесь, – Николай взял ручку и начал рисовать на бумажной скатерке, постеленной на их столике.

Надо сказать, что это очень неплохая идея французских рестораторов, привыкших к творческим порывам посетителей кафе или бистро, стелить просто белую бумагу на стол. Правда, он нарисовал какие-то геометрические фигурки – кубик, прямоугольник, рядом с ним другой прямоугольник, соединил их какими-то линиями.

– Нобелевскую премию за это не дадут, но патент может оказаться весьма доходным, – оценила Аня с лета только что услышанную идею.

– Правильно, умница, – похвалил Николай собеседницу, при этом широко улыбаясь и, как бы машинально, левой рукой поглаживая ее руку, которая лежала на столике. – Вот я и полечу в Москву, чтобы встретиться с инженерами, которые спроектируют установку под мою идею, заказать металл и договориться о монтаже этой штуки.

– Надеюсь, у тебя хорошие партнеры и идею не своруют. А вообще – дай Бог тебе удачи.

Выйдя из кафе, они не спеша пошли по широкому бульвару Капуцинов, при этом Николай, как бы невзначай положил руку на талию Ане, таким способом приблизив ее к себе. Они хорошо смотрелись – парень в светлых брюках и безрукавке с ромбиками и девушка примерно сантиметров на пять ниже, в синих прямых джинсах. Это была одежда молодежи, знающей себе цену и не стремящейся никого удивить дырками на бедре или еще где-нибудь.

Гуляя, они неспешно спустились вниз, в сторону рю Риволи, взяли такси, и Николай отвез девушку к ее студенческому городку.

– Давай увидимся, когда ты вернешься, – спокойно предложила Аня, поставив все точки над «і» таким простым способом. Николаю оставалось лишь чмокнуть ее в щеку, почувствовав только, какая у нее приятная кожа и как приятно – тонко и легко – пахнет ее туалетная вода.

Рандеву доставило ему удовольствие. И самым разговором, и тем, что девушка обнадеежила его новой встречей. Пусть и не очень скорой. При этом он про себя отметил, что в отношениях с Анютой с легким «чмоком» в щечку он все-таки почти на месяц опередил своих родителей.

* * *

...На столе лежало несколько телеграмм и писем, которые хоть и не относились к категории «Top Secret», но и не предназначались для посторонних глаз. Атташе по вопросам культуры и науки посольства США в Париже Скотт Бенсон читал их не спеша, мысленно сортируя просьбы и поручения, которые содержались в этих текстах. Просьб всегда было немало, и если выполнять их все, и к тому же в полном объеме, то не хватит времени ни на что остальное. Тем более, что все «остальное» как раз и составляло основную работу сотрудника ЦРУ. И хотя он привык переадресовывать различные запросы своим подчиненным, загрузка у него была все равно большая.

Прочтя четвертое письмо, он поднял трубку внутреннего телефона и пригласил в свой небольшой кабинет – могли бы для его департамента выделить площадь и по больше – третьего секретаря посольства Саймона Стопарски.

– Саймон, есть новое поручение, надеюсь, вы с предыдущим уже справились, – начал Бенсон в своем обычном стиле говорить фразы подряд, не делая пауз, что весьма затрудняло собеседнику восприятие сказанного. – Оно связано с физикой, как вы к этой науке относитесь?

– С уважением, но не могу сказать, что располагаю глубокими знаниями, – долговязый чиновник продемонстрировал, что его не так легко застать врасплох.

– Парни из Бостона интересуются каким-то русским физиком, который работает в лаборатории местного университета по теме, связанной с чем-то перспективным. У него хорошие

связи с французами, ценят его и ребята из ЦЕРНа в Швейцарии. Несколько раз был в Штатах. Семинары в Массачусетском технологическом и в Гарварде. Я отдам вам это письмо, а вы попробуйте в нем разобраться. К запросам физиков я тоже всегда отношусь с уважением, эти ребята точно знают, чего хотят. Кстати, не хотите чашку кофе?

При этих словах Бенсон, не дожидаясь ответа, поднялся из кресла и подошел к столику в углу, на котором стояла небольшая итальянская кофеварка «Lavazza». Продолжительное пребывание в Европе все-таки меняет вкусы, и некоторые начинают привыкать к настоящему кофе, а не к тому невразумительному напитку, что со словами «Еще кофе?» предлагают официантки суровым дальнобойщикам в придорожных закусочных на всей территории североамериканских штатов. Саймон кивнул, он также предпочитал эспрессо из итальянской кофеварки напитку, которым плевался в пластик автомат, стоявший в общем блоке посольства. К тому же, кофе с Бенсоном означал, что их разговор носит доверительный характер и может продлиться. Шеф может высказать какую-то перспективную идею, все-таки опыт у него был большой, хотя многие и говорили, что у него просто есть нюх на всякие удачные дела.

– Хорошие времена, плохие времена, а жить как-то ведь надо?! – пробурчал вдруг про себя Бенсон, взясь с аппаратом.

– Не понял, шеф, вы что-то хотели сказать? – переспросил его Стопарски.

– Хотел, Саймон, хотел. И слушайте, что я скажу. Чтобы править этим чертовым миром, который катится непонятно куда, надо всегда иметь в руках какой-то инструмент управления. Удобный, практичный, надежный и безотказный. Согласитесь, что лучший инструмент – это идея? Так вот, Саймон, в какой-то момент мне казалось, что именно благодаря тому, что мы, вернее, наши коллеги по роду службы, заполучили в прошлом веке автора формулы из трех букв, одной цифры и одного промежуточного знака, мы, американцы, взяли мир за горло.

Первый глоток кофе прошел, как следует. Бенсон вытянул губы и довольно причмокнул. В знак солидарности Стопарски прикрыл на мгновение глаза.

– Знаете эту формулу? Ее придумал хитрый парень Альберт Эйнштейн: e равно π c^2 в квадрате. А потом он сфотографировался и показал всему миру язык. И пока он играл на скрипке своего любимого Моцарта, всем остальным пришлось вкалывать, как проклятым. Нашим и немецким яйцеголовым умникам напрягать мозги, промышленникам закачивать миллионы в графит, тяжелую воду и свинцовые чушки, чтобы в результате появилась атомная бомба. Наша атомная бомба. А русские заслали в Штаты своих ребят, наших коллег, которые, надо сказать, очень хорошо поработали и, потратив своих миллионов намного меньше, чем мы, сумели быстро сделать в ответ свою «штуку». С тех пор мы стараемся не упустить, что открывают они, а они, как вы знаете, столь же внимательно присматривают за нашими учеными.

– А если я найду у этого русского физика три буквы и нужную цифру, это будет успехом? – поинтересовался Саймон, невольно расплывшись в улыбке над собственной шуткой.

– А вот этого я пока не знаю! Но если этот парень, о котором идет речь, хотя бы чем-то напоминает Эйнштейна и готов сменить вид на жительство – готовьтесь к повышению. Кстати, Саймон – вы забыли об одном промежуточном знаке в уравнении Эйнштейна.

О каком повышении может идти речь, Бенсон не сказал. А Стопарски и не спросил. Сотрудники посольства сами лучше знают, кому и что светит в случае удачи. И в случае неудачи тоже.

* * *

Во всем мире существуют разведки, это не секрет. Но если одни разведчики занимаются политической информацией, другие военной, то есть и третьи, которые занимаются... наукой. Нет, они не следят за новинками из области филологии или археологии. Их интересуют физика, математика, химия, металлургия, механика, прочие точные дисциплины. И даже астрономия.

И, если эти ребята находят что-то интересное, то начинают «копать тему» и, в конце концов, формулируют задание и отправляют его другим парням, которые должны раскопать интересные первых ребят подробности и детали. Лучше в виде формул, теоретических наработок. Еще лучше – в виде готовых, уже отработанных технологий. А если удача улыбнется парням из Лэнгли, то и заполнить самого автора-изобретателя.

Казалось, только вчера миром правили деньги, очень большие деньги. Но дороже денег оказалась информация о том, куда их выгоднее вложить, чтобы получить гарантированную прибыль. Нефть, конечно, не зря окрестили «черным золотом». Но мир рано или поздно высосет из земных недр и нефть, и газ, и даже не поперхнется. И вот уже высокие технологии начинают диктовать всему миру новые правила игры. Кто этого не понимает, рано или поздно из игры выбывает. Или сам, или его заставят. В общем, как написал один из теоретиков разведки (не исключено, что он был и практиком этого дела), «...современный шпионаж является главным образом экономическим, научным, техническим и финансовым». Действительно, что лежит в основе высоких технологий? Новая идея. Вот какой получается перевертыш – сегодня идея стоит дороже денег. Не в смысле тех денег, которые за нее заплатят, но тех денег, что можно будет на ней заработать. И всегда надо знать, стоит ли чем-то заниматься самим, вкладывая миллионы, а то и миллиарды в многолетние перспективные программы, когда можно куда дешевле перекупить новую идею или технологию. А на вопросы, что, кого и где покупать, как раз и дают ответ сотрудники соответствующих служб. И не секрет уже ни для кого, что службы эти, как правило, особо секретные. Настолько, что иногда до смешного доходит. Анекдот или выдумка сетевых блогеров, но вполне могло случиться, что китайские спецслужбы принудили к посадке американский беспилотник с намерением скопировать его «железо и мозги». Разобрали до последнего винтика. Удивились – на пятьдесят с чем-то процентов высокотехнологичный продукт из США собран был из комплектующих с клеймом «Made in China». Простой обыватель посмеется, ребята из спецслужб задумаются.

В этот же день третий секретарь посольства США в Париже Саймон Стопарски встретился со своим французским «контактом» и попросил того помочь разыскать русского физика. И уже на следующий день получил ответ – Николай Гарнет улетел по делам в Москву, откуда должен будет вернуться в Париж через неделю, заехав по пути в швейцарский ЦЕРН.

* * *

Москва, 2009 год.

Утренний телефонный звонок опасен тем, что может поломать весь план на предстоящий день, который уже сложился накануне. Правда, бывает, слышишь в трубке женский с «металлическим тембром» голос: «Включите, пожалуйста, факс!» Ни тебе «доброго утра», ни «уважаемого абонента»! Нормальная реакция известна большинству мужского населения Москвы, а адрес, по которому посылают этих веерных корреспондентов, всегда один и не требует уточнения. Особенно «радует» такой звонок с утра пораньше, когда впереди столько неотложных важных дел...

«Кто-то узнал, что я в Москве, и теперь меня достанут», – подумал Николай, мысленно прикинув, который час в Париже и почему он не чувствует себя выпавшимся.

На часах было двадцать минут десятого. «Ну, это еще как-то по-человечески!» – решил Николай и снял трубку. Звонил Мишка Кривич, общаться с которым Николаю всегда было в удовольствие. Выяснять, откуда он узнал о приезде Николая в Москву, даже не имело смысла. Тем более что несколько скрипучий его голос лился могучим и безостановочным потоком. Наконец Михаил дошел до главного дела, напомнив собеседнику, что сегодня – среда. А среда для него была священным днем в силу важнейшего обстоятельства – посещения бани.

– Коля, когда ты в Париже, конечно, тебе не до бани, – излагал свою точку зрения Михаил. – Но, когда ты в Москве, ты должен быть с нами, как в свои лучшие годы. Будут все свои, собираемся в половину шестого, чтобы успеть проскочить до вечерних пробок.

Сопротивляться его напору было бесполезно. Сделав несколько звонков и отменив запланированные встречи, около пяти часов Николай отправился в район знаменитой Горбушки, откуда до Покровских бань рукой подать. В «демократическом» отделении на третьем этаже он сразу увидел Мишку, расположившегося на диванчике вместе со своим давним приятелем Володей, «широко известным в узких кругах» художником-деревенщиком, и Димкой – в прошлом почти плейбоем, а ныне сотрудником какой-то большой юридической фирмы. Шутливые, но искренние объятия, шуточки-прибауточки про Париж, каштаны и Пигаль, про Москву, пробки и митинги. И вот уже Николай, завернувшись в большое цветастое полотенце-простыню, расположился на диванчике напротив них. Заказал себе у банщика большую кружку кваса, куриные крылышки и жареный черный хлеб с чесноком, который здесь почему-то называли «гренками».

– Сейчас парилку приготовят, и пойдем, а пока надо подождать, – объяснил Михаил, почему они не идут сразу париться. Хотя чего объяснять было, все и так все знали, но такой уж был принят негласный ритуал.

Наконец кто-то ударил в гонг, звук был мягким, не раздражающим.

– Вот теперь пошли, готова парилка! – скомандовал Михаил.

Это было удивительно, но в парилке, на помосте, куда поднимались по, естественно, деревянной лестнице, дышалось легко. Жар был, но не колючий, как иногда в перетопленной сауне, а именно легкий пар. И тело ощущало лишь приятное тепло, мягко обволакивавшее и руки, и ноги, и голову.

Они вышли из парилки, испытывая состояние какой-то телесной радости, едва ли не восторга. Михаил бросился в купель с холодной водой, а Володя и Николай пошли под душ. Все-таки надо трезво оценивать свои силы и возможности. А в бане – прежде всего.

Они вернулись на свои места, и некоторое время молчали, так им было хорошо. А когда человеку хорошо, что болтать попусту?

В кабинке неподалеку расположилась небольшая компания веселых парней, в среднем где-то лет под тридцать. В перерывах между заходами в парилку они помаленьку выпивали, с удовольствием закусывали шашлыком и трепались обо всем на свете. Николай сидел спиной к проходу и мог только представлять себе, кому принадлежит та или иная речь.

– Парни, иногда надо говорить правду, правду и одну только правду! – смущенно сказал кто-то, кого называли Саньком. – Могу сказать честно, что это не я ее трахнул, а она меня отымела по полной программе. Можете себе представить, слезаю я с нее – дышалка, как у коня после гандикапа. Тут хоть бы дух перевести, а она разошлась, остановиться не может. Сжимает в своей руке моего парнишку, который совсем поник, и будто не меня, а его уговаривает: «Ну, еще! Еще, миленький! Постарайся же, наконец!» А мне и без того уже конец...

Судя по этим словам, так он переживал любовное приключение, которое не хотел таить от приятелей. Кто-то из них хохотнул при последних словах «Санька».

– Беги от нее быстрее, пока она тебя до смерти не измочалила, – посоветовал кто-то хриловатым голосом. – Смотреть на тебя жалко – кожа да кости одни остались! Вить, ты вспомни, как он в хоккей гонял? Кровь с молоком! А бицепс? Двух девок от пола отрывал! – попросил хриплый голос подтвердить правоту своих слов невидимого собеседника.

– Да, сдал наш Санек, сдал! Секс, ребята – это работа! А в работе, в ней, что самое главное? Умеренность. И секс с женщиной должен быть умеренным и полезным для здоровья. А ты, Александр, выглядишь неважно. Нездорово, я бы так даже тебе откровенно сказал. Так что, бросай ты свою женщину. Давай лучше завтра покер замутим?

– Покер, снукер! Полезный секс! Да пошли вы, придурки, в баню! – разволновался, спутав все, Санек. – А может, это любовь? Мне же это понравилось! – он, наверное, даже не ожидал от себя такой реакции на мнение приятелей.

– Ну, разве что любовь! Тогда другое дело! – примирительно согласился хриплый голос.

– Да ты бы так сразу и сказал, что любовь. Ты ж про секс нам! Любовь – другое дело. Любовь – это как... – принялся было снова развивать тему тот, кого называли Витей.

– Не, не, хватит! Знаю все наперед. Любовь – это как работа, а в ней умеренность! – завершил дискуссию Санек. И, помолчав, спросил. – А что насчет завтра в покер? Кто будет?

* * *

Дмитрий также пребывал в состоянии блаженства, как и трое его партнеров по баньке. Он потягивал квас – машина стояла внизу, а потому рисковать напороться на инспектора ГИБДД не хотелось. От пятидесяти граммов «только для запаха» – удовольствия почти никакого.

– Николай, – обратился он к новому знакомцу, – а как в Париже обстоит с дамами? Как когда-то в легендах и рассказах о красивой жизни?

Видимо, рассказ «Санька» возымел и на него какое-то действие. Мужиков тянет порой потрепаться о «запретном».

– Честно говоря, у нас, в Москве, красотки лучше, да и числом больше, – поделился своими наблюдениями Николай. – Но у меня были свои «уроки французского», – с улыбкой продолжил он рассказ. – Мне повезло невероятно, все-таки отец, как опытный мидовец, решил, что кто-то из «матерых» дипломатов должен меня просветить в тонкостях этого языка. От того, что я услышал, у меня просто рот открылся и довольно долго не закрывался.

– Ну, что-нибудь, расскажи, к примеру? – попросил Дима.

– Ну, хорошо. Вот, в Америке, да и по всему свету в шестидесятые-семидесятые годы слово «Каравелла», помимо первого своего значения, означало французский пассажирский или, как говорят, гражданский реактивный самолет. Изящный, очень красивый по форме. Так вот в те же годы в Париже, особенно в районе Елисейских полей, словом «une caravelle» называли... проститутку высокого класса. Правда, в зависимости от времени года они появлялись не только в Париже, но и везде, где есть хорошие деньги. Начиная от склонов Французских Альп зимой, до пляжей Лазурного берега летом. Они доезжали даже до франкфуртской книжной ярмарки! Появлялись в «Американских барах», в лобби шикарных отелей, иногда прогуливались по Елисейским полям или прилегающим улицам. Они выглядели элегантно украшением этого района. Строго говоря, отличить их было непросто, как и найти. Они сами находили тех, кто был им нужен.

– Потрясающе! А что-нибудь еще из того, в чем тебя просветили? – не унимался Дмитрий. Михаил с Володей также слушали с интересом.

– Такое слово – «амазонка» – ты, конечно, знаешь?

– Ну да, из древнегреческой мифологии. Воинствующие такие феминистки, на лошадях скакали и мужиков из луков отстреливали по причине их не востребоваемости, – блеснул познаниями Дима.

– Вот-вот! А в Париже так назывались проститутки, которые ездили на своих машинах в девятом округе по длинной, с односторонним движением улице Годо-де-Моруа в поисках мужчин. Могли притормозить возле тротуара, могли помогать фарами. Если клиент не находился, то поворачивали на Сезе, потом на Комартен и оказывались снова на дистанции. Как в кольцевых автогонках, только на медленной скорости и с одинаковым призом после финиша.

– А сам ты с ними как?

– А никак! Я же сказал, что наши девушки лучше, да и в Москву я достаточно часто наведывался.

* * *

1814 год. Франция, 10 марта.

...Наполеон не знал о коварном ударе, нанесенном Талейраном. Тот послал надежного человека к императору Александру Первому, чтобы передать совет, благодаря которому собственно и была изменена история. И совет-то простой – срочно двигаться на Париж, чтобы там восстановить Бурбонов, и избавиться таким образом от Наполеона. Даже в русской армии такой план встречал возражения, но он понравился Александру, а его мнение оказалось решающим. Поверить в такой смелый ход Наполеон не мог – русские сами «соглашались» с тем, что он со своей армией находится у них в тылу и может нанести удар еще и с фланга. Оценил император этот план много позже словами «прекрасный шахматный ход». А ход, говоря языком тех же шахмат, оказался «матовым».

Но на все требовалось время, и русская армия шла поначалу с большими трудностями, словно нащупывая пути. Иногда удавалось устраиваться на ночлег по квартирам, что, конечно, лучше, чем бивуак в поле. Однако в деревнях в глаза бросалась крайняя бедность, в трактирах, где во время привалов питались офицеры, кормили скверно. Нищета везде ужасная, повсюду грязь, в домах пусто. А откуда было взяться изобилию, если по этим местам уже не раз проходили армии, которые забирали себе все, что интенданты считали необходимым? Несколько удивляло, что встречали русских хорошо, а на словах ненавидели Наполеона. Впрочем, тому находилось объяснение – постоянные налоги самого разного свойства, призывы в армию и молодых, и старых, многочисленные потери в дальних походах, а оттого и пустующие дома. Мужчин среднего возраста почти не видно, разве что инвалиды встречались. Еще было немного малолеток, которых не мог мобилизовать Наполеон. Да и работать некому. Так что император вполне заслуживал и хвалы, и прочих сопутствующих слов.

* * *

Париж, 2009 год.

Все складывалось, как никогда, удачно. В четверг мэтр-наставник мадемуазель Васильковой сделал пустячные замечания по курсовой работе и объявил, что в понедельник Анна будет ее защищать. В пятницу она должна быть на тренировке, чтобы быть готовой к небольшому субботнему турниру, отборочному перед весенним чемпионатом французских университетов. Николай уехал в Москву, о свидании речи не было. А с кем-либо еще ей почему-то уже и не хотелось встречаться.

Тренировка завершилась спаррингами. Партнершей Ани, на которую указал ее тренер, оказалась женщина «бальзаковского возраста», лет тридцати пяти. Фехтовала она неплохо, видно было, что когда-то была рапиристкой – все старалась нанести укол, забывая, что у саблистов засчитываются чаще всего удары. Так что в счете она Васильковой уже через полторы минуты заметно уступала. Тогда Аня поубавила пыла и решила просто в легком тренировочном режиме отработать третью и шестую защиты. После двух поединков она показала, что лучше будет остановить бой. Когда мадам подняла маску, лицо ее было красным и потным, но у нее оказались очень красивые карие глаза.

Она подошла и представилась: «Меня зовут Мюриэль!». Оказалось, что она из клуба ветеранов, а сюда зашла по старой памяти еще студенческих лет, чтобы попробовать навострить форму, которую потеряла за последние три недели почти сплошных командировок. Для этого ей стоило бы тренироваться как минимум дважды в неделю самой и еще брать уроки у тренера. Когда-то в молодости она была неплохой фехтовальщицей, и догадки Ани о занятиях рапирой получили подтверждение. Но потом работа в МИДе потребовала у Мюриэль времени,

и пришлось сосредоточиться на карьере. Ничего нового, обычная история многих. А теперь она руководит отделом связей с соотечественниками в Северной Америке и решила снова, себе в удовольствие, заняться фехтованием. Вот попробовала взять в руку саблю, и новое оружие понравилось ей больше «сухой папиры».

В душе они оказались под соседними рожками, и Аня несколько секунд разглядывала ее фигуру. Типичная француженка – тощая, костистая, попа плоская и тяжеловатая, но это было видно еще на дорожке, груди небольшие. Аня уже смыла гель с бедер, когда подняла глаза и поняла, что теперь уже Мюриэль довольно бесцеремонно разглядывает ею саму, оценивая фигуру.

– Прекрасная кожа, – сказала Мюриэль. – Можно, я ее поглажу?

И, не дожидаясь ответа, провела ладонью по груди девушки и, будто не намеренно, слегка сжала пальчиками сосок. Аня внутренне напряглась.

– Ты пользуешься каким-то особым специальным кремом для тела? – поинтересовалась Мюриэль.

– Да нет, обычным, увлажняющим.

Они уже вышли из душа и, вытираясь на ходу большими полотенцами, шли к своим шкафчикам, где оставили одежду.

– Когда ты молода, любой крем хорош. У тебя такое тело, что его хочется ласкать! – вдруг вырвалось у Мюриэль. При этих словах она уже прямо смотрела Ане «глаза в глаза», пытаясь поймать ее взгляд и понять, что она ответит, и какой будет реакция на это весьма откровенное предложение.

«Мюриэль... Эммануэль... Сильвия Кристель... Розовые дела... – пронеслось вихрем в сознании девушки. – Лучше сделать вид, что я не поняла, что она имеет в виду. Менять сексуальную ориентацию в мои планы не входит, хотя, наверное, пообщаться с Мюриэль было бы интересно», – подумала про себя Аня.

Они оделись, и новая знакомая предложила выпить по чашке кофе. Аня согласилась, правда, предпочла грейпфрутовый сок. Они обменялись номерами телефонов, Мюриэль пригласила ее в свой клуб «ветеранов», хотя Аня и не очень подходила под эту категорию. Но просто так, пообщаться, немного «постучать саблями», познакомиться с интересными людьми, особенно в Париже – почему бы и нет?

* * *

Москва, 2009 год.

Это раньше многие деловые переговоры проходили в кабинетах, с секретаршей, которая вела протокол, с буфетчицей, которая вносила на подносике чай или кофе с «печенюшками». Сегодня же, когда два бизнесмена намерены о чем-то договориться, они запросто встречаются в каком-нибудь кафе, подтверждают принципиальное согласие на сделку, а уж затем поручают дело своим помощникам и юристам.

Давнему партнеру Нугзару Ольховскому Николай назначил встречу в кафе «Киноклуба Эльдар», что на Ленинском проспекте. Для создания новой экспериментальной установки требовался металл, причем не тот, который сейчас можно купить на любой базе стройматериалов вдоль МКАД, а высоколегированная сталь особых сортов и трубы, устойчивые к сверхнизким температурам. А потому и обратился физик к специалисту по металлам.

Они прошли по ступенькам вниз, расположились за столиком в глубине зала, прочли фамилии актеров, написанные на спинках стульев. Бегло, скорее формальности ради, просмотрели меню, отметив, что названия блюд связаны с персонажами фильмов Рязанова.

Нугзар производил впечатление человека легкого на подъем, что на самом деле так и было. Но к бизнесу, особенно с давними клиентами, относился серьезно. Гарнет рассказал,

что именно ему нужно, передал Нугзару несколько листов бумаги со всеми характеристиками металлов и размерами, что значительно облегчало задачу поставщику.

– Слушай, Нугзар, вот мы с тобой достаточно давно сотрудничаем, а я все никак не решаюсь у тебя спросить, откуда такое сочетание – грузинское имя, которого нет ни в одном другом языке и русская фамилия? – поинтересовался Николай, дав понять собеседнику, что деловая часть переговоров завершена.

– Знаешь, мой папа, царство ему небесное! очень любил мою маму, а она – урожденная графиня Ольховская, – с удовольствием начал рассказывать Нугзар крайне необычную для грузина историю. – Граф Ольховский чем-то знаменит, хотя и не знаю чем, наверное, воевал хорошо, еще при Екатерине Великой. В общем, моя мама была единственной дочкой в семье моего дедушки, который был хотя и урожденным графом, но по жизни обычным инженером-механиком, и на ней эта фамилия заканчивалась. А поскольку нас было двое мальчиков, папа, царство ему небесное! решил, что я, Нугзар – буду Ольховским по маме, а мой старший брат Гиви – будет Чайкидзе по отцовской фамилии. Ты понимаешь, как это было благородно со стороны отца, и насколько это мужественный поступок для мужчины-грузина?! А мама у нас была красавица. Помнишь актрису Одри Хепберн в «Римских каникулах»? Вот мама такая же красивая была. Даже еще красивее.

– Да и ты весьма импозантный мужчина. Вот тебе бы только сбросить килограммов... – прикинул Николай. – Ну, семь-восемь хотя бы, и все женщины были бы твои.

– Да нет, со мной даже десяткой не обойтись! Но все равно, спасибо тебе. Знаешь, я ведь мальчишкой играл в футбол. Знаешь, сколько девушек приходили на меня смотреть? Очень они хотели меня любить, а я, дурак, мечтал только играть. А потом мениск, неудачная операция, потом вторая, уже лучше, но время для футбола было упущено. А потом и времена пришли другие. Ну, я и пошел в бизнес, занялся металлами. От футбола осталось только судейство. А ты думал, что я сразу стал судьей? Хотя, как знать? Может, если бы подольше играл, не стал бы судьей, но тогда бы и дело свое не открыл? А! – махнул рукой Нугзар. – Что я все «если, если»? Жизнь идет, время течет, дела идут неплохо. Вот сейчас сижу с тобой, о делах говорю – и мне это нравится. За жизнь говорю – тоже нравится. А жизнь, она ведь какая? Вот как ты на нее смотришь, такая она и есть. А не смотришь – ну, когда спишь, например, вот тогда она, наверное, такая, какая есть на самом деле?..

Такое с Нугзаром случалось. Пускаясь в пространные рассуждения о жизни, он начинал думать вслух. Причем трудно было понять, как он себя в ней ощущал в данный момент, пребывая в конкретной точке пространства и времени – он даже выводы делал с вопросительной интонацией.

– Слушай, Нугзар, – остановил приятеля Николай. – А вот представь себе ситуацию. Гипотетически.

– Это воображаемую, да? С закрытыми глазами?

– Да как хочешь! Ну, вот спишь ты, а там жизнь идет. И шла она сама по себе и до того, как ты заснул, и будет идти после того, как ты проснешься. Только проснешься ты не один...

– Послушай, как не один? – широко раскрыл глаза Нугзар. – У меня подушка одна, одеяло односпальное?!

– Ничего, позавтракаете, поедете в магазин и купите еще одну. И одеяло двуспальное.

– Слушай, зачем двуспальное? У меня диван узкий! – разволновался Нугзар.

– Кровать себе купите. Деревянную. С балдахином! Вечером, как люди, спать ляжете! – повысил голос Николай. – Слушай, ты в футбол играл защитником?

– Обижаешь! Нападающим, по центру!

– Вот, вот, нападающим! Бегал, наверное, быстро, а сейчас не догоняешь! С девушкой проснешься ты утром. И жизнь будет идти по-прежнему, но вы по ней пойдете вместе! – ска-

тился в высокий пафос Николай. – С девушкой, то есть. По жизни! – поставил он, наконец, логическую точку в гипотезе.

– Так это не гипотеза? Ты мне что, жениться предлагаешь? – разочарованно протянул Нугзар.

– Ну, зачем сразу жениться? Поживете, присмотритесь, а там жизнь подскажет, как дальше быть.

– Э, нет, Коля, жизнь ничего не подсказывает! И у нас принято к девушке перед женитьбой присматриваться, а не утром. Вот представь себе гипотетически: проснусь утром я, посмотрю на нее – вроде ничего. Тут она проснется – я к ней начну внимательно присматриваться. А тут она заговорит. Скажет, поехали кровать покупать, подушки, одеяла там. И голос мне ее не понравится. Но я виду не подам, да? Я же человек воспитанный. И поедем мы кровать искать. Ей понравится, как ты советуешь, деревянная, с балдахином, темного цвета. А я не люблю темные цвета. И я опять смолчу. Потом еще смолчу. Слушай, так жить нельзя, да?

– А ты попробуй! – рассмеялся Николай железобетонной логике приятеля. – Ты посмотри для начала по сторонам, прислушайся – вон, сколько симпатичных девушек вокруг!

– Не смотрел, думаешь? Вот с тобой сейчас разговариваю и смотрю, смотрю. Ты кино «Завтрак у Тиффани» с Одри Хепберн смотрел? Покажи мне здесь хоть одну девушку, которая на нее похожа?

Помолчали, посмотрели на девушек. Друг на друга. Рассмеялись. Договорились, что через два дня Нугзар получит информацию о прохождении заказа и будет звонить Николаю по ходу дела.

* * *

1814 год. Франция, март.

...Поход по Франции у русских офицеров в первые недели вызывал по большей части разочарование. Они вспоминали своих преподавателей в военных училищах – с каким восторгом эти блестящие знатоки рассказывали о Франции, ее истории, культуре. О женищинах.

Но так всегда случается – столкновение с действительностью приводит к утрате иллюзий. На самом деле и тогда существовали две страны – одна называлась Париж, а другая – Франция. И они разительно отличались, словно между ними был океан, отделявший Европу от Америки. И на пути в страну «Париж» надо было пройти через «Францию».

То, что в деревнях в основном люди были малообразованные, безграмотные, не удивляло – император воевал, и потому просвещение нации, которая не была для него все-таки родной по крови, интересовало его меньше всего.

Единственное, что как-то примиряло с тяготами похода, так это то обстоятельство, что сопротивление французов было не столь яростным, как того ожидали. Что же касается русских офицеров, то они, по большей части, были людьми хотя и молодыми, с присущей возрасту горячностью, но весьма воспитанными и образованными. Да и солдат своих они умели сдерживать.

Партизанская война во Франции, по крайней мере, против русских, так и не началась. Русских опасались рассердить – а ну, как те захотят поквитаться за разоренные города, деревни, за сожженную Москву?!

А вот всюду, где проходили прусские и австрийские войска, оставалась выжженная земля, разграбленные дома, истерзанные трупы, что мужчин, что женищин. В русской армии, правда, разбоями и грабежами отличались, в основном, казаки-ногайцы. Стало ясно, что казаков придется выводить из Франции, не дожидаясь, пока появятся французские шуаны-партизаны.

* * *

Париж, 2009 год.

В Париже Николай любил утром шагать от своей улицы Дагорно до метро Насьон – идти недалеко и легко, поскольку на тротуарах не так много людей, как в центре. Из кафе и брасери, разбросанным вокруг красивой площади, доносится запах свежесваренного кофе и подогретых круассанов, тротуары и мостовые отмыты ночными уборщиками. Порой он заворачивал в какое-нибудь кафе, соблазненный именно этими запахами, и, не в силах удержаться, заказывал себе чашечку эспresso. Больше того, однажды он поймал себя на том, что намеренно не пользуется дома кофеваркой, чтобы иметь внутреннее оправдание, почему он завернул в кафе. Вот только французские блинчики – крепсю, ему не нравились, и он никогда их не брал. Хотя в Москве, оказавшись в «Шоколаднице» или еще какой-нибудь забегаловке, непременно заказывал блинчики с творогом или с медом.

На этот раз, смакуя первую утреннюю чашку кофе и круассан, он решил, что надо сейчас же позвонить Аняте. Все-таки вернулся из Москвы, надо доложиться, так сказать, отметиться.

Часы показывали без пяти девять, когда он нажал зеленую кнопку старомодной «Нокии». Самым приятным было то, что девушка сразу же ответила, и после традиционного «привет – привет» сразу похвасталась, что успешно защитила курсовую, а еще познакомилась с интересной дамой-фехтовальщицей (повода для ревности нет!), сходила в клуб ветеранов фехтования и там встретила много интересных людей. Даже кого-то из актеров, кто поддерживает форму, надеясь, если выпадет случай, принять участие в съемках какого-нибудь историко-приключенческого фильма.

– Аня, а можно мне посмотреть, как ты фехтуешь? – поинтересовался Николай. – Я могу даже поболеть за тебя.

Он, как говорится, попался на слове. Договорились созвониться поближе к вечеру. Все-таки сегодня пятница, и можно планировать жизнь на ближайшие два дня.

В лабораторию он приехал в хорошем, даже веселом настроении.

* * *

Чем отличаются женщины в возрасте от шестнадцати до шестидесяти? Только разнообразием занятий, которые они придумывают для мужчин.

Все утро у Николая ушло на то, чтобы по просьбе Аняты найти в справочнике адрес какой-то фехтовальной школы, где ей вздумалось «взять урок». Наконец адрес был найден, и в субботу утром они встретились у выхода метро. Николай подхватил большой баул, который ему с улыбкой передала девушка. «И ты сама таскаешь такую тяжесть?» – удивился он. «Сама! Оруженосец нам, любителям, не полагается!» – отшутилась Аня. Затем они прошли каким-то унылым двором, столь неожиданным почти в центре города, к двери в пристройке. Сбоку от нее была то ли вывеска, то ли табличка с изображением двух скрещенных шпаг.

Анна сама объяснила лысеющему мужчине средних лет с бородкой эспаньолкой, в тренировочном костюме, что именно ей нужно, проворковала что-то на «птичьем» языке насчет парадрипоста, и направилась в раздевалку. Инструктор облачился в толстую куртку, взял выдавший виды эспадрон, на клинке которого было немало зазубрин, а на гарде – вмятин. У него был старомодный шлем-маска с металлической решеткой, которую он оставил поднятой. У Ани маска была современная, «застекленная».

Девушка встала в боевую стойку и, слушаясь инструктора, сделала кончиком клинка несколько кругов и уколов, хотя нужно было ожидать от нее, скорее, ударов. Но, видно, они так договорились. Ее клинок легко проходил защиту и упирался в нагрудник. Минуты через три

инструктор перестал «пижонить» и опустил маску, понимая, что дело может принять серьезный оборот. Они обменялись еще несколькими фразами, после чего Анна перешла к решительным действиям, явно намереваясь выбить всю пыль из толстой куртки инструктора, которому не всегда удавалась защита. Ее удары были жесткими, резкими и весьма неожиданными, а каждый очередной выпад она сопровождала вскриком. Несколько человек, упражнявшихся у стенки, остановились, чтобы посмотреть, как идет «занятие», неожиданно превратившееся в настоящий бой. Такого от неизвестной фехтовальщицы, пришедшей «с улицы», никто не ожидал.

Наконец утомленный инструктор показал, что пора сделать паузу, и жадно приложился к бутылке с водой. По краям его лица тек пот, лоб также был мокрым.

Он с трудом подбирал слова, интересуясь, откуда приехала девушка, и кто ставил ей «школу». Услышав «Россия», понимающе закивал головой. Он понял, что у Анны была хорошая школа, и ей просто захотелось размяться, но у него не было достаточно мастерства, чтобы дать ей что-то новое. Из дальнейшего стало ясно, что он интересуется, надолго ли Анна приехала в Париж, и что-то пробормотал насчет Сорбонны.

После «урока» Аня с Николаем заехали перекусить в какое-то кафе неподалеку от студенческого городка. Кушали не спеша, наслаждаясь каждой минутой отдыха, прислушиваясь к тому, как «гудят» ноги, как с удовольствием желудок принимает пищу и питье.

– С чего это ты на него так накинулась? – поинтересовался Николя.

– Инструктор он так себе, средний, но гонора и амбиций – будто десяток чемпионов воспитал! Так что во мне разыгрались казацкие гены, а дальше ты сам все видел. Хотя, конечно, мужчина-фехтовальщик должен был бы против меня выстоять.

– А Сорбонну он зачем упомянул?

– Он сказал, что может договориться с кем-то в Сорбонне, чтобы меня пригласили в команду университета. Не стала его разубеждать и рассказывать, как я оказалась в Париже.

* * *

1814 год. Франция. Суассон, 16 марта.

...О Париже знали, что он прекрасен, что любой человек, попавший в него, менялся, приобретал новые, неизвестные даже ему самому качества, становясь ярче, увереннее. По молодости своей офицеры, повзрослевшие в боях и походах, были переполнены юношескими ожиданиями романтики, амурных приключений, до которых, судя по романам, столь охочи француженки.

В авангарде, который шел на Суассон, насчитывалось чуть больше четырех тысяч человек, на приступе потеряли две сотни, но в плен взяли три тысячи шестьсот французов и тринадцать орудий. То была блестящая победа и Андрей Васильчиков, который со своим эскадроном действовал вместе с казаками Чернышева, мог ожидать новой награды. Это был как бы перст судьбы – поручик делом напомнил о себе.

Взять Суассон оказалось чрезвычайно важно, после этого путь на Париж, можно сказать, был открыт. Сначала французские войска – два корпуса под командой маршала Мармона, были довольно легко разбиты под Арси, а чуть позже русско-австрийская кавалерия при деревушке Фер-Шампенуаз разбила войска, спешившие на помощь Наполеону. Было взято много пленных и отбито тридцать пушек.

Как случилось, что при всей его воинской гениальности Наполеон мог так просчитаться, остается загадкой. Скорее всего, он полагал, что русские, опасаясь его атаки с тыла, развернутся и будут искать сражения с ним, будут искать его, а он выберет наилучший момент и позицию, после чего, уже как победитель, будет вести переговоры с Александром о мире. Но удача, по крайней мере, Большая Удача, в делах против русской армии как отвернулась от него

после Москвы, так уже и не благоволила наполеоновской армии. Император так и не узнал, кто дал совет Александру идти со своими войсками прямо на Париж, оставив австриякам схватиться где-то в стороне со все еще Великой армией. А в результате столица Франции оказалась «распахнутой» перед силами, самыми опасными для Наполеона.

* * *

Париж, 2009 год.

Париж тех, кто в нем живет и работает, отличается от Парижа глянцевого журналов. Да, в плане светской жизни понедельник здесь – мертвый день. Даже на Елисейских полях как-то безжизненно. Вторник почти такой же. Зато в среду вечер уже вполне себе хорош. Кафе заполняются посетителями, в дискотеках гремит музыка, шоу собирают полные залы. Но вечер пятницы – настоящий триумф того, что называют парижским стилем – многие будто празднуют окончание рабочей недели. В субботу вечером – кульминация. Говорят, как-то композитор Россини, отдавая переписчику нот партитуру новой оперы, озадачился его вопросом: «Маэстро! У вас в трех последних тактах перед кодой увертюры – пять знаков «форте». При том, что темп вы назначили «престиссимо»?!» «Ну, да – очень, очень громко и предельно быстро!» – удивился Россини. «Но это против всяких правил!» – возмутился переписчик. «Да к черту ваши правила!» – вскричал автор. – Дайте сюда этот лист!» И вписал: «Отсюда – оглушительно громко, и еще быстрее, как только возможно!» Вот эта ремарка – символ субботнего вечера в Париже. И вечер воскресный тоже мог бы быть продолжением праздника, если бы его не омрачал завтрашний понедельник.

Пытаясь проникнуть в национальный менталитет французов, исследователь вряд ли отнесет их к романтикам, к сентиментальным личностям, и, тем не менее, они совершают немало романтических поступков. Но даже это они делают в своем прагматичном, откровенном стиле, «задирая» весь мир в лучших кинофильмах блестящих режиссеров. Начиная с «Набережной туманов», продолжая «Мужчиной и женщиной», шокируя призывом «Приготовьте ваши носовые платки».

Конечно, Николай погорячился, когда объяснил Анне свое поведение в тот вечер на бульваре словами «Весна, Париж!..». Настоящая весна начинается, когда в город приходит тепло, ближе к концу апреля и длится до начала второй половины июня. Парижанки становятся более раскованными в выборе своих туалетов, взгляды мужчин – пытливыми, острыми в их оценке.

Один из самых верных признаков прихода стабильно хорошей погоды в Париж – появление столиков на тротуарах возле всех кафе без исключения. Хотя кто-то продолжает брюзжать по поводу погоды – то по утрам холодно, то потом к полудню становится почти жарко. А если солнышко начинает греть чуть сильнее, то найти свободное место становится все труднее. Кто-то сидит, просто наслаждаясь погодой, кто-то – обществом приятной собеседницы или собеседника, а кто-то просто «лорнирует» проходящих мимо девушек, воздавая должное изящной стройной фигурке. При этом, конечно, ни у кого нет лорнета, давно вышедшего из моды и оставшегося разве что в театре, в старых пьесах.

После окончания рабочего дня все труднее отыскать свободный столик. Мужчины составляют большинство, оккупируя пространство, чтобы выпить пива и поговорить о футболе, который уже закончился и можно лишь высказать мнение о том, что звезды стали не те, а тренеры перестали отрабатывать свои гонорары. Потом начинают ругать компьютеры, от которых невозможно оторвать молодежь, перетекают плавно к политике, ругая, что вполне естественно, правительство не только свое, начиная с президента, но и американское, которому, по большому счету, наплевать на весь остальной мир. И по привычке со времен СССР – теперь уже правительство русское. Словом, нормальные вечера приходят в город.

Но не это главное. В Париже наступает время всеобщего пробуждения чувств.

* * *

1814 год. Предмесья Парижа, 29 марта.

...Через четыре дня после победы при Фер-Шампенуазе стремительный авангард под командованием генерала Раевского вышел на позицию, с которой открывался дальний вид на столицу.

Отряд, в который входили десять казачьих полков, под командой генерал-лейтенанта Александра Ивановича Чернышева, не пошел на Париж, командование опасалось, что Наполеон поймет, где таится главная для него опасность, и бросится спасать столицу. Остановить его должны были русские арьергарды – корпус генерала Сакена.

Неожиданно эскадрону поручика Васильчикова была дана команда подтянуться к основной армии. Неподалеку от города стали на бивуак. Андрею с его эскадроном был предоставлен отдых, чтобы собраться с силами и, если понадобится, поддержать передовые отряды, уже вступившие в бой на Монмартре. Защищали город остатки корпусов Мармона и Мортье и национальная гвардия, которую «усилили» парижские студенты, готовые разрядиться возле орудий, понимая свое бессилие.

К Александру начали прибывать парламентареры, но все вели лишь какие-то пустые разговоры. Царь начинал терять терпение.

30 марта русские войска пошли штурмом на Белльвильские высоты и Монмартр. Сражение, в котором главным был русский третий корпус, началось в семь утра. Появились первые убитые и раненные, французы сражались отважно, но все-таки отступили, слишком неравны оказались силы. Скоро Белльвиль был взят.

В одиннадцать часов маршал Мармон известил Жозефа Бонапарта – брата Наполеона, что не может держать оборону, а потому и предупредить взятие Парижа неприятельскими войсками.

К Александру в течение дня приходили сведения – сообщали, что Наполеон спешит форсированным маршем, чтобы ударить в тыл русским войскам. Но генерал Сакен со своим корпусом находился позади основных частей, чтобы при французской атаке отразить ее.

Наконец, к Александру прискакал адъютант с рапортом, что монмартрские высоты взяты корпусом графа Ланжерона. На самом деле чуть раньше четырех часов пополудни авангард Ланжерона, которым командовал генерал Рудзевич, построенный колоннами для атаки, пошел на приступ последних позиций на Монмартре, и французы бежали.

Теперь прибыли парламентареры, чтобы капитулировать, не торгуясь.

Ближе к вечеру 30 марта в расположение резерва прискакал посыльный из штаба – перемирие заключено, надо готовиться к вступлению в Париж. Потому лошадей чистить, самим быть в порядке, эскадрону в составе эскорта во главе с Барклаем де Толли предстояло сопроводить императора.

«Мы расположились на бивуаках, упираясь левым крылом в Белльвиль – записал в своем дневнике Андрей Васильчиков. – Ночью много парижанок посетило наш лагерь. Потом кто-то говорил, что они хотели нас ублажить, чтобы мы не спалили Париж в отместку за Москву. Никто и не думал о том, чтобы так-то мстить французам. Все-таки людям Наполеона удалось запугать парижан».

* * *

Париж, 2009 год.

Это было почти невероятно – Аня и Николай чувствовали, что не просто не мешают друг другу, но, больше того, вместе им стало гораздо приятнее проводить время. Каждый занимался

своим делом, они не задавали лишних вопросов, понимая, что разобраться в тонкостях процесса диффузии газов не сможет Аня, а нюансов внешней политики Франции в еще не столь давние шестидесятые годы не знает Николай. И это нормально.

Небо над Парижем было по-весеннему лазорево голубым. Время от времени откуда-то наплывали небольшие тучки, выплескивая скупыми пригоршнями на город легкий дождь. Капли были настолько мелкими, что мужчины в пиджаках или куртках могли позволить себе их не замечать. Только женщины реагировали на них незамедлительно, опасаясь за свои прически.

* * *

30 июня Аня позвонила Мюриэль и предложила составить ей компанию в походе... на кладбище.

«Да не волнуйся ты так, никого хоронить не надо! Четвертого июля – День независимости США. На рю де Пикпюс традиционно соберутся многие сотрудники посольства США, будет посол, будут специальные посланцы правительства, чтобы возложить цветы, венки и ленты на могилу генерала Лафайетта, почитаемого как национальный герой, что в Америке, что во Франции! – Мюриэль быстро ввела ошарашенную девушку в историю вопроса. – Генерал завещал похоронить его в земле, привезенной из США, но рядом с женой, умершей в 1807 году, и ее родственниками, казненными во время французской революции 1793 года. Там будет много интересных полезных людей. Ну, конечно же, живых, – рассмеялась Мюриэль наивному вопросу Ани. – От такого приглашения нельзя отказываться!» – закончила Мюриэль краткий курс из французской истории.

Тот, кто думает о своем карьерном будущем, от таких приглашений действительно не отказывается, тем более что после этого будет приглашение на прием в посольстве. Аня согласилась и стала думать о том, в чем пойти и как успеть привести себя в порядок за время между кладбищем и вечерним приемом.

На кладбище, которое было похоже на красивый парк – не доставало только скамеек – оказалось много приглашенных гостей. Дипломаты в традиционных синих костюмах, хотя и из легкой ткани, в рубашках с галстуками, были больше американскими. Мюриэль с ходу узнала Аню с некоторыми своими знакомыми. Один из них задержался возле девушек. Вдруг откуда-то из глубины, а вернее, от того места, где уже была засыпана цветами и украшена лентами могила генерала, раздался зычный возглас рапортующего: «La Fayette, we are here! (Лафайетт, мы здесь!)» И зазвучал американский гимн.

– Эта традиция началась в 1917 году, когда сюда приезжал генерал Першинг, – разъяснил Ане американский дипломат. – Тогда после речи генерала полковник Стэнтон и объявил: «Лафайетт, мы здесь!» С тех пор здесь всегда поднят американский флаг, даже немцы во время оккупации не решились его снять.

– У меня есть приглашение на сегодняшний прием, а у моей подруги нет, – бесхитростно начала Мюриэль. – Мы можем что-нибудь сделать для нее?

– Трудно! Но, впрочем, подождите, вон там стоят вместе шеф службы безопасности и шеф протокола. Попробую что-то для вас сделать, – после этих слов американец прошел ближе к основной группе официальных лиц.

– Я не уверена, что у него что-то получится, – спокойно сказала Мюриэль. – Но пусть пока испытает чувство неловкости. Зато в будущем у нас будут все приглашения на интересные приемы.

Атташе как раз возвращался к ним с кислым видом. Роль «всемогущего» ему явно не удалась.

Женщины, как известно, существа коварные и ловушки придумывают весьма искусно.

– Ничего страшного, Мюриэль! Я знаю, как провести время, а кроме того, мне надо собираться в Москву, через три дня лечу к своим, – сообщила Анна. – Но у меня и там будет выход в сеть, и я сообщу тебе о своих планах. Вполне возможно, что прилечу на два-три дня в середине июля, а потом уже останусь в России до конца сентября.

– Надеюсь, ты меня не забудешь? – улыбнулась Мюриэль.

– Ни в коем случае! – уверила Анюта.

И у коричневых ворот в арке серой стены они попрощались. До улицы Дагорно было всего несколько сот метров, Анна решила позвонить Николаю и, если все сложится, посмотреть его квартиру. Все равно в Москву им предстояло лететь вместе.

* * *

1814 год. Париж, 30 марта.

...В 1812 году из станицы Нагайбакской на войну отправились казаки под командой атамана Серебрякова. Они были хорошо выученными вояками, к тому же православными. Выучку им преподали, так сказать, «по наследству» командиры Нагайбакской крепости. Первым воеводой в ней был Василий Иванович Суворов, отец будущего генералиссимуса. Кряшены – нагайбаки воевали доблестно во все времена, нагайбакская конница нагоняла страху на всех, кто оказывался на ее пути. И когда Наполеон пугал французов нашествием казаков, он имел в виду именно нагайбаков. Они были ударной силой в сражениях под Лейпцигом, в «битве народов», а в марте 1814 года уже прошли по Франции.

И вот после Арси-сюр-Об Серебряков послал к генералу Чернышеву с донесением посыльного Василия Малкина. Казак, хотя и был ушлым парнем, но до самого командира не добрался, а дошел лишь до Васильчикова. Пакет он передал, но в суматохе подготовки к битве за Фер-Шампенуаз ответное письмо отправили с кем-то другим, и Васильчиков предложил ему остаться пока у него. Казак решил попытать нового счастья, а в результате попал в «летучий отряд» Чернышева, который должен был брать Суассон. Так и случилось, что остальные нагайцы отличились при Фер-Шампенуазе, а Василий Малкин заслужил похвалу от Васильчикова и... двинулся вместе с ним на Париж.

Васильчиков сам пошел к Серебрякову и договорился, что тот командирует понравившегося ему казака в распоряжение отряда Чернышева, а бумаги все они выправят, когда уже будут в Париже. Да и атаману в тот день было в удовольствие отправить Василия к Васильчикову. Так сказать, подбросить яблочко к яблоне.

В параде входа в Париж он был верхом на бурой кобылке, держался недалеко от поручика и внимательно следил за своим командиром. Правда, перед входом в город встретился с остальными сослуживцами, которые терялись в догадках – куда он запропастился? То ли убила его шальная пуля, то ли ранен где и отлеживается? А оказалось, он здесь, жив и здоров, и вообще, при делах.

Французские войска, которые готовились к обороне на северо-востоке Парижа, получили приказ к отступлению. Большой отряд майора Гидона, который выдержал утром первую русскую атаку у Монмартра, прошел бульварами от ворот Сен-Дени к площади Людовика XV, еще не так давно переименованную в площадь Революции, сопровождаемый унылыми взглядами опустивших головы парижан, теснившихся неподалеку. К вечеру 30 марта отряд дошел до Елисейских полей и разбил бивуак, провианта не подвезли, и обозленные, голодные солдаты грелись у костров, для которых они попросту отрывали доски отовсюду, где удастся. В половине четвертого утра поступил приказ уходить дорогой на Фонтенбло через ворота д'Анфер, где русских еще не было. Наполеон мчался в Фонтенбло, надеясь на чудо. Но, даже получив пополнение, он не смог бы ничего сделать.

Отправленный в замок Бонди на переговоры с русским царем Коленкур, попытался было уговорить русского императора мириться на Шатильонских условиях, но быстро понял – переговоры с Александром невозможны. Царь прекрасно помнил, как вел себя Бонапарт в прошлые годы, а потому требовал безоговорочной капитуляции. Впрочем, и сам Наполеон не доверял Александру, считая его тонким притворщиком и хитрецом.

Они стояли друг друга. Но в этот раз выскользнуть из лап «русского медведя» императору Франции оказалось невозможно.

* * *

Париж-Москва, 2009 год.

Еще перед взлетом «эрбаса» из Орли, уже из салона лайнера Николай, глянув в блокнот, набрал московский номер телефона и заказал такси. Он уже вошел во вкус путешествий с удобствами, и пользоваться ими для него стало естественным. Правда, он заказал машину к Белорусскому вокзалу, чтобы избежать половины пробок, которые неизбежны на пути что из Москвы в Шереметьево, что из Шереметьево в город.

В «Аэроэкспрессе» они с Аней расположились с комфортом и вот-вот должны были начать согласовывать планы друг друга на ближайшие дни, как вдруг одна из женщин, расположившихся в креслах перед ними, закричала дурным голосом в трубку мобильного: «Тетя Паня, это ты?!» И продолжила кричать на весь вагон, видимо, не полагаясь на качество связи своего оператора и рассчитывая напряжением горловых связок «продавить» в трубку обуревавшие ее эмоции. Потом без стеснения высказалась по поводу кого-то по имени, начинавшегося на «эм», кто не привез обещанного товара из-за «этих долбанных» московских пробок и перенес доставку на завтра. Первую гласную в имени торчавшего в пробках водителя, женщина проглатывала. И вот уже весь вагон с наслаждением вслушивался в родной «великий и могучий». «Тетя Паня, этот м-дак... Передай этому м-даку... Чтоб я еще раз связалась с этим м-даком...».

Николай и девушка смотрели друг на друга. Николай с трудом давил смех. Аня уже тайно сочувствовала неизвестному «м-даку»... Так и въехали в Москву.

* * *

С одной стороны, ему хотелось сразу привезти Аню к себе домой, с другой – он прекрасно понимал, что это нереально. И даже глупо. Разумеется, ей нужно ехать к себе, разобраться, вон какой у нее оказался чемодан: точно двадцать один килограмм был на весах. К счастью стюард, оформлявший ее билет, на лишний килограмм закрыл глаза. Да и сумка наверняка тянула на все десять килограммов. Планшетный компьютер, естественно, не взвешивали. Подвезти девушку домой – другое дело, само собой разумеющееся. Но на приглашение подняться он не рассчитывал.

У Ани была каким-то образом сохранившаяся за ней однокомнатная квартирка в аспирантском общежитии МГУ. Николай знал это небольшое кирпичное здание на Ломоносовском проспекте, где иногда засиживался в компании однокашников и оставался спать, понимая, что в таком виде лучше домой не приезжать и родителей не возбуждать.

– Аня! – весьма твердо начал излагать Николай свой план на ближайшие два дня. – Сегодня по домам, завтра с утра по делам, а вечером мы идем к моему товарищу – Саше Калоеву. Я не был у него на дне рождения, а тридцать три, сама понимаешь, особая дата. Я ему позвонил по телефону, но твердо обещал приехать сразу по возвращении из Парижа. А он – осетин, и с ними шутки плохи.

На самом деле Калоев был осетином, как говорят, «московского разлива», но какие-то гены далеких горцев ему передались, и при какой-то внешней детской застенчивости дрался он в школе весьма жестко, и его боялись задирать не только ровесники. Теперь он стал финансистом-аудитором, и его проверок побаивались – договориться с ним было невозможно. Не дай Бог предложить что-то «за решение вопроса», можно сразу идти с повинной, рассчитывая на снисхождение разве что у суда присяжных, если повезет.

* * *

К Калоевым они добирались отдельно. Аня быстро сориентировалась в адресе и доехала до улицы Красина на троллейбусе, а потом прошла пешком, свернув у бензоколонки на Зоологическую. Николай приехал на машине, помучался с пробкой и парковкой, но все равно был минут на десять раньше у нужного дома. Он подождал ее у подъезда, и поднялись они вместе. К Калоевым вместе с ними пришло еще несколько человек – дом хлебосольный, открытый, хотя при этом попасть в него не всем удавалось.

Вместе с хозяйкой в холл вышла пятилетняя девочка, дочка, которая узнала Николая и широко ему улыбнулась, продемонстрировав прекрасные белые зубки. Ане она протянула ладошку и сказала: «Меня зовут Василиса, а это моя мама – Алла». В этот момент к ним присоединился хозяин дома, и стало сразу понятно, что Василиса – «папина дочка».

Пришли еще двое гостей, один из которых был знаком с Николаем, а другой, назвавшийся Леней, был представлен Александром как несостоявшийся хакер, поскольку был взят на хорошую работу до того, как придумал новый компьютерный вирус.

– Когда речь идет о всесильности математики и компьютеров, я вспоминаю историю, которая случилась в одном НИИ, – со смехом рассказывал Леонид. – Им поставили задачу – создать глобальную модель экономики СССР и, конкретно, как и что нужно сделать, чтобы в стране все было в порядке.

– Но это же глупо? – усомнился кто-то из компании.

– Компьютер поскрипел своими электронными мозгами и выдал ответ: «Надо накормить все население клевером, а свиньи должны быть шерстяными».

Хохот был громовой.

– Правильная реакция! – подтвердил ощущения остальных Леня. – Весь институт так же заливался. Экономисты начали упрекать программистов, но те быстренько доказали, что, какие данные им дали, такие они в компьютер и ввели, и такой ответ и получили.

Когда пришло время прощаться, Николай сказал спокойным тоном, в котором были одновременно жесткие нотки, не допускающие никаких возражений, что они с Аней поедут вместе. Никто из приятелей и не стал набиваться в попутчики «заодно».

Она напомнила свой адрес: угол Мичуринского и Ломоносовского проспектов – не ближний свет. Николай и бровью не повел. Когда они подошли к стоянке, Аня отметила про себя, что машина хорошая, мощная, с роскошным кожаным салоном внутри – «Porsche Cayenne».

– Зачем тебе столько лошадей? – поинтересовалась она, располагаясь на переднем сиденье и машинально, по европейской привычке, пристегиваясь без напоминания.

– А у меня в роду были, говорят, то ли гусары, то ли уланы. Наверное, наследственность требует больше «лошадей», – отшутился Николай. Но вел машину «без излишеств», не стал показывать себя асом Формулы-1. Впрочем, в этот час пробок уже не было, и до общежития они доехали быстро.

* * *

– Что-то мне не хочется с тобой расставаться после такого вечера, – заглушив мотор и повернувшись к Анне, произнес Николай.

– Вечер получился действительно чудесный, – согласилась девушка, – но знаешь что – давай не будем торопить события? Все еще впереди.

– Пожалуй, ты права, – согласился Николай, но при этом довольно решительно взял ее за плечи и начал притягивать к себе, явно намереваясь поцеловать девушку не в щечку.

Ане и самой хотелось поцеловаться, почувствовать вкус его губ. И она покорно подалась вперед, обхватила его руками за шею. Дыхание их слилось. Руки Николая осмелели, девушка не сопротивлялась. И вдруг резкий звук сирены и яркий свет промчавшегося мимо на бешеной скорости полицейского автомобиля, привели их в чувство.

– Ну, козлы! Разве можно так носиться? Когда не надо – они тут как тут! Когда надо – днем с огнем не отыскать! – Смутившись, девушка приводила в порядок растрепавшиеся волосы.

– Точно – козлы! Знаешь что, провожу я тебя до дверей, хочу быть спокоен, – при этих словах Коля открыл свою дверь и вышел из машины.

– Хорошо, – согласилась Аня, – но входить ко мне ты не будешь. Не нужно. Сегодня не нужно...

Не сразу, но позже до Николая все-таки дошло, почему именно сегодня Аня не только не захотела посмотреть его обитель, но и не пригласила к себе.

Разумеется, никого постороннего в ее квартирке не было, да и вещи не валялись в беспорядке. Но, видно, не судьба. Всему свое время.

– Давай сегодня пообедаем вместе? – предложил он у двери подъезда. Часы показывали уже без четверти два за полночь, можно было говорить о планах на день уже в настоящем времени.

– Днем вряд ли получится, дел много, занятия. Давай лучше встретимся в семь, – предложила Анна, мысленно пробежав свое расписание. – В семь «на Пушки», а там посмотрим. Там рядом немало мест, где можно посидеть.

* * *

1814 год. Париж, 31 марта.

...Участникам парадного входа в Париж был объявлен ордер – кто идет, и в какой последовательности. Впереди флигель-адъютанты государя, сам государь, рядом с ним король прусский, принцы, фельдмаршалы, главнокомандующий и другие. Затем 3-й армейский корпус, австрийские гренадеры, 2-я русская гвардейская дивизия, прусская гвардейская пехота, 1-я гвардейская дивизия и вся кавалерия, и за нею артиллерия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.